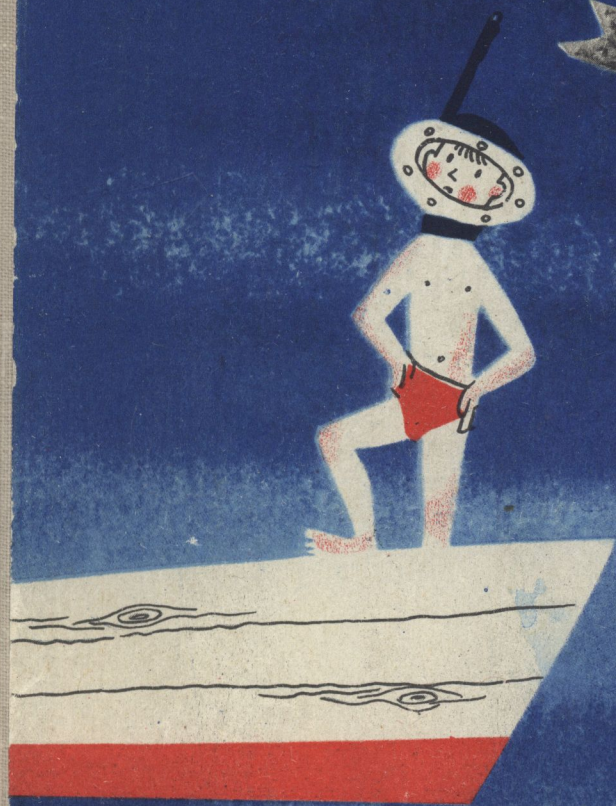

С. Сахарнов

Путешествие
на
"ТРИГЛЕ"

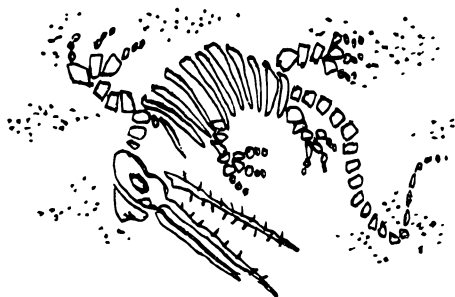

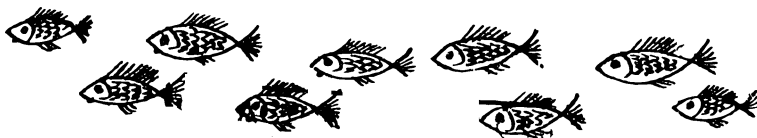

С. САХАРНОВ

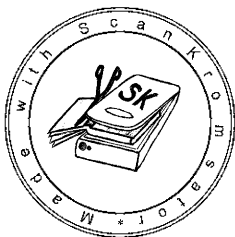
Путешествие
на
„ТРИГЛЕ“

Рисунки М. Беломлинского

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ЛЕНИНГРАД 1963

Scan AAW

Эту книгу я писал вот так.

О чём она?

Может быть, о следах доисторических зверей.

Может быть, о кораблях.

Может быть, о чёрных, в белую полоску, снаках...

А может быть, о людях, которые плавают на кораблях, ищут древние следы, проходят поутру сналистыми берегами...

НАЧАЛОСЬ ТАК

Больше всего на свете я боюсь показаться трусом.

Когда Марлен спросил:

— Хочешь в экспедицию?

Я ответил:

— Ещё бы!..

Ночь я уже не спал.

За окном мне мерещились горбатые волны и зловещие плавники акул.

Марлен — учёный и водолаз. Он изучает морское дно.

А я — художник. Я плохо плаваю. Зачем мне всё это нужно?

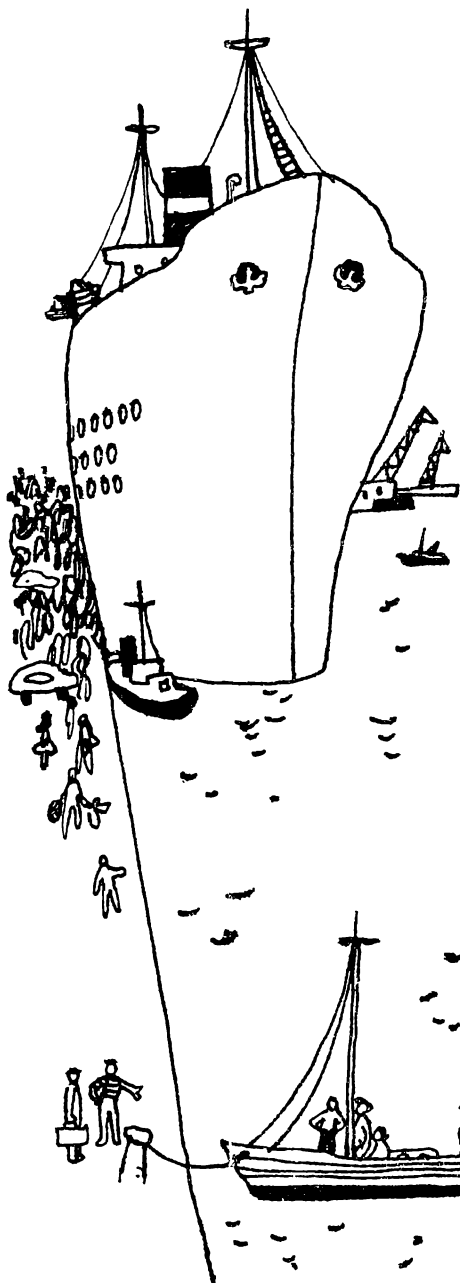
ПРИЧЁМ ТУТ Я?

„ТРИГЛА“

На другой день с чемоданом в руках я пробирался сквозь толпу на пристани.

— Где здесь экспедиция? — спросил я мужчину в жёлтой соломенной шляпе.

Соломенная шляпа посмотрела на меня сверху вниз.

— Прямо.

Прямо передо мной возвышался белоснежный борт теплохода. На белой краске горели бронзовые окошки — иллюминаторы.

Загорелые матросы, как обезьяны, бегали по крутым лестницам.

А ГДЕ МАРЛЕН?

Грохнула музыка. Тонкие стальные канаты шлёпнулись в воду. Белый борт медленно пополз вдоль причала.

УУУ - у-у-у-у !!!.....

Теплоход описал по бухте широкий полукруг и вышел в море.

ВОТ ТАК РАЗ!.. А Я?..

Кто-то схватил меня за рукав.

— Ты что здесь делаешь?

Позади меня стоял Марлен.

— Живей, тебя ждут!

Рассекая толпу, как ледокол, он повёл меня вдоль причала.

В самом конце пристани стояла маленькая, выкрашенная в грязно-зелёный цвет шхуна. На её носу белыми буквами было написано

ТРИГЛА

На палубе стояли несколько человек.

Шагнув через борт, мы очутились среди них.

Парень с бородой отвязал канат, оттолкнул ногой нос шхуны.

Затарактел мотор.

«Тригла», покачиваясь, пошла на выход.

МАРЛЕН

Марлена я знал давно.

Мы вместе росли в деревне под Минском.

Из всех пацанов в деревне он был самый отчаянный.

Однажды ему сказали, что к змеиному яду можно привыкнуть.

Марлен поймал гадюку и дал ей укусить себя. В руку.

Рука вздулась и почернела. Марлена увезли в больницу.

Месяц он провалялся там. Мать плакала навзрыд. Рука из чёрной стала синей, затем жёлтой.

Через месяц он вышел, поймал вторую гадюку и дал ей ту же самую руку.

Горячего, как печка, с деревянной рукой, его снова увезли.

Пролежал он на этот раз неделю. Вернувшись, поймал змею и дал укусить себя в третий раз.

Ту же руку.

Рука немного покраснела. И всё.

И вот с таким человеком я должен плыть в открытое море! ЗАЧЕМ?

ЗАЧЕМ?

Затем, чтобы искать СЛЕДЫ ДОИСТОРИЧЕСКИХ ЗВЕРЕЙ.

Так объяснил мне Марлен.

Миллионы лет назад на месте Крыма бушевало море.

В море плавали ихтиозавры. Они были похожи и на рыб, и на ящеров. Длинные челюсти. Тело, покрытое чешуёй. Рыбий хвост.

Это были хищники. Они нападали на рыб, на спрутов. Устраивали драки между собой.

Когда рыбацкер погибал, тело его опускалось на дно. Оно покрывалось известковой корой. Отпечатывалось на камне.

Шли годы.

Тонули и всплывали материки.

Там, где морское дно обнажалось, отпечатки оказывались на суше.

И вот однажды в Голубой бухте, на скалах, над самым морем, нашли отпечатки двух рыбацкеров.

Скорченные, раздавленные, распластанные как лист, они равнодушно смотрели пустыми глазницами в небо.

Восторгу учёных не было конца.

Неприступные скалы? Пустяки!

Решили подогнать к берегу баржу, вырезать из скалы плиту с отпечатками ящеров, спустить её на канатах в баржу и увезти.

Помешала война.

В Голубой бухте шли сильные бои. Гремели взрывы. С моря по горе, из тяжёлых орудий, били корабли.

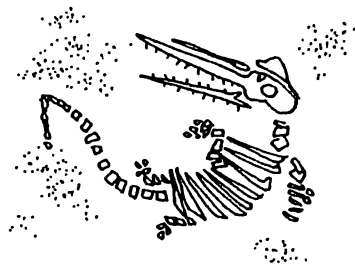
Отступая, немцы взорвали склад снарядов, устроенный на берегу.

Полгоры сползло в море.

Когда после войны в бухту вернулись учёные, — отпечатков не было.

И вот Марлен предложил искать их ПОД ВОДОЙ.

ЗАНИМАЛСЯ БЫ ОН ЛУЧШЕ СВОИМИ РЫБАМИ.

В МОРЕ

Как только «Тригла» вышла в море, её начало качать.

— Только чтобы не было шторма!..

Ах, как не нужен шторм!

О бурях на море я читал много.

Сначала волны ласково-ласково покачивают корабль.

Затем они начинают захлёстывать палубу.

Пассажиры вступают в бой из-за шлюпок.

Наконец волны переворачивают судно.

Я с тоской оглядел палубу: всего одна шлюпка. Она лежала у борта, коротенькая и мелкая, как детское корытце.

**КОМУ-КОМУ, А МНЕ МЕСТО В НЕЙ НЕ ДОСТА-
НЕТСЯ!**

Удивительно, что шхуна ещё держится на воде!

Берег, такой милый и ТВЁРДЫЙ, отступал всё дальше и дальше.

Мне отступить было некуда.

МОИ ТОВАРИЩИ

— Знакомьтесь, — сказал Марлен, — наш новый товарищ. Художник.

Я назвал себя:

— Николай.

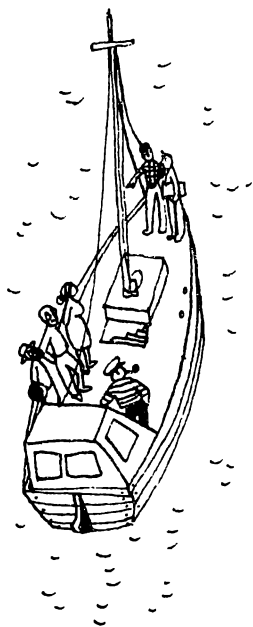
— Дима, — сказал парень с бородой.

— Кая.

— Вениамин.

— Капитан — у руля, — продолжал Марлен, — моторист — в машине. Вот и команда. Ну, как тебе здесь нравится?

— По-моему, мы идём слишком далеко от берега.

КАКОГО ЦВЕТА МОРЕ?

В детстве я знал, какой цвет у моря.

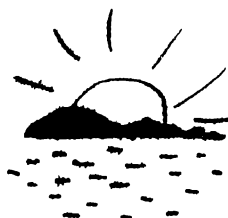
Я любил его рисовать. Брал кисточку, густо разводил кирпичик ультрамариновой краски и проводил в тетради яркую синюю полосу.

Потом я стал учиться на художника.

Стал присматриваться к морю.

Оно оказалось каким угодно, только не синим.

Однажды я прожил месяц на острове. Море было вокруг меня.

Оно оказалось переменчивым.

Утром, до восхода солнца, оно было белесого сероватого цвета. Как поле, посыпанное пеплом.

Поднималось солнце. Поле розовело, по нему ползли лиловые и синие полосы. Полосы росли, ширились, охватывали всё море. Небо голубело, тянул утренний ветерок — бриз, и море, как чаша, наливалось до краёв зелёной или голубой краской.

При облачном небе море так и оставалось на весь день серого цвета.

Перед штормом оно чернело и только там, где светился солнечными лучами облачный разрыв — глаз циклона, — делалось изумрудно-зелёным.

Вернувшись в Ленинград, я снова начал учиться живописи. Я много читал.

Я узнал, что у тёплых берегов Африки и Азии вода зелёная-зелёная, густо настоенная на мелких, невидимых глазу, водорослях.

На Севере вода прозрачная, как кристалл льда.

Около устья рек в море всегда держится громадное жёлтое или коричневое пятно. Это река красит воду в цвет своих берегов.

Когда у пляжа из кварцевого или кораллового песка грохочет прибой, вода взбаламученная — серая, почти белая.

В Калифорнии есть залив. Вода в нём кроваво-красная от малюсеньких рачков — ночесветок. Ночью такая вода, если ударить по ней веслом, вспыхивает миллионами огоньков. А быстрый дельфин кажется в ней сказочным чудовищем, источающим синее пламя.

Превращения моря нет конца.

Какого же оно цвета?

Этого не знает никто.

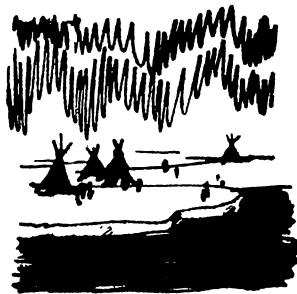
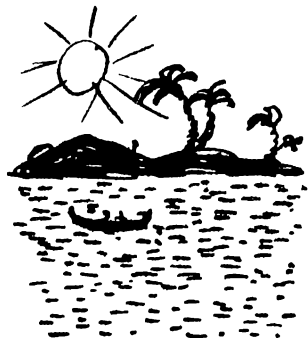
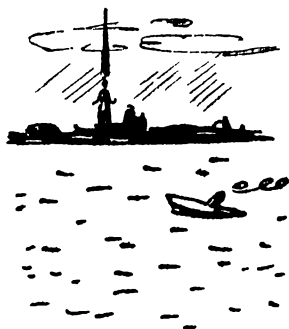
А «ТРИГЛА» ВСЁ ИДЁТ ВПЕРЕД.

Я готовлю кисть и краски.

Замечательные краски, на чистейшем растительном масле.

Я буду рисовать.

Уж если попал на эту посудину, так хоть напишу много-много картин. ИНАЧЕ ЧТО С НЕЕ ТОЛКУ?

ШТОРМ

Мы обогнули какой-то мыс, и шхуну начало качать.

сначала волны были небось
потом они стали всё круче и длиннее
и наконец — гёрт знай! какие большие и страшные

К горлу у меня подступил комок.

— Ик!

Я икнул и опрометью бросился к борту.

Зачем я так много ел утром!

Потом я лежал в каюте, на койке, и тихо стонал. Лоб был в испарине. Руки болтались, как чужие. Во рту был вкус медной пуговицы.

НЕТ, КОНЕЧНО, ЗРЯ ПОШЁЛ Я
В ЭТОТ РЕЙС!

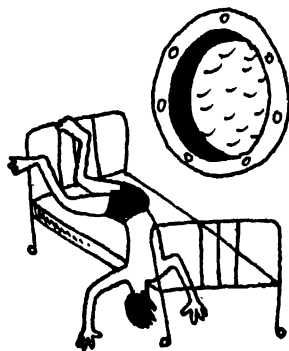
Моя кисть и краски уже валялись
под столом.

ОБЛАКО ПОД ВОДОЙ

К обеду волны улеглись.

Впрочем, мы не обедали.

Мы шли вперёд, к Голубой бухте.

Нас вел капитан. Толстый, волосатый. Он стоял за рулём в одних штанах и фуражке. Сразу было видно — моряк. Всю жизнь водил океанские пароходы. Плыть на такой букашке для него пустяк.

За высоким обрывистым берегом нас ждала встреча.

Здесь стояла на якоре шхуна — родная сестра «Триглы». Только белая, а не зелёная.

Марлен замахал шляпой.

— Привет киношникам!.. Под водой снимают, — сообщил он мне.

Мы подошли к шхуне.

— Ну как? — крикнул Дима.

Его бороду узнали.

— Порядок, — сказал главный киношник, в чёрном берете и очках. — Сняли взрыв под водой. Мина. Отличные кадры!

Тут я заметил, что невдалеке от шхуны расплывается чёрное маслянистое пятно.

— Ах, бесовы дети, — сказал наш капитан, — вот это рванули!

Марлен загорелся.

— Надо посмотреть, что там на дне!

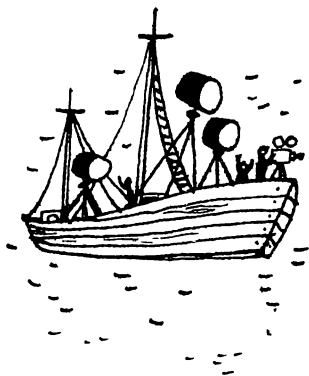
Он нацепил ласты, маску и, не ожидая, когда капитан поставит «Триглу» на якорь, прыгнул за борт.

— Что они там натворили — жуть! — крикнул он, вынырнув. — Николай, иди посмотри!

Я?

Этого ещё не хватало!

Пока я раздумывал, Вениамин принёс мне водолазную маску и ласты.

В ЭТОЙ МАСКЕ Я ОБЯЗАТЕЛЬНО ЗАХЛЕБНУСЬ!

С маской, надетой на лицо, я подошёл к борту.

Авось Марлен не дожждётся меня и вылезет.

Не успел я так подумать, как очутился в воде.

Я барахтался, как в молоке. Вокруг меня висела подвижная белая завеса. Тысячи мелких пузырьков.

Они клубились, как кучевое облако, а я медленно опускался сквозь него.

ВОТ УЖАС!

И тут я вышел из белой завесы. Подо мной было дно. Бурое, каменистое. Надо мной — белое облако. Я висел между дном и облаком. В камнях там и тут блестели серебряные полосы и запятые.

Рыбы.

Это были рыбы!

Убитые или оглушённые взрывом, они лежали на дне.

На обожжённых взрывом камнях.

Мне сжало грудь.

ДЫШАТЬ! ДЫШАТЬ!

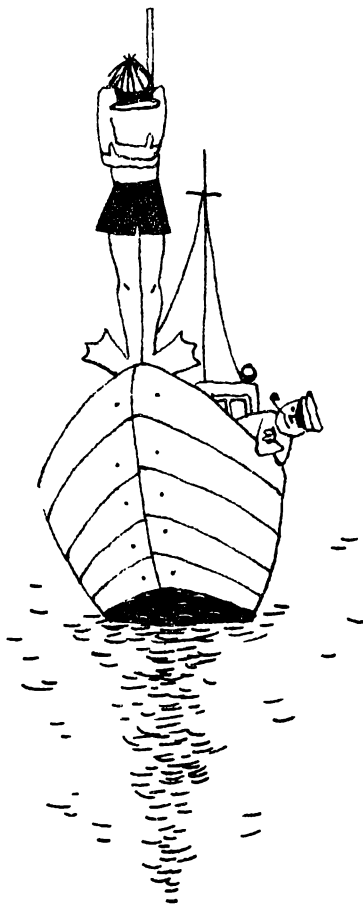
Я отчаянно замолотил руками по воде и, как пробка, выскочил на поверхность. Уф! Маска сползла на грудь.

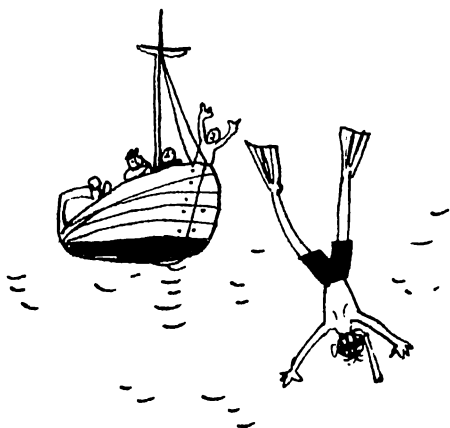
За руки меня втащили на шхуну.

Марлен был мрачен, как туча.

— Видал, — обратился он ко мне, — сколько рыбы погубили? Киношники. . . Отличные кадры!

В голосе его было презрение.

— А пузыри? — спросил я.

Он ответил не сразу.

— Белое облако?.. Это от взрыва.

Я понимающе кивнул.

**ИНТЕРЕСНО, КАКАЯ
ЗМЕЯ ТОЛКНУЛА МЕНЯ
В ВОДУ?**

ВЕНЯ

Вениамин толкнуть не мог.

Он был чересчур занят.

Бормоча что-то себе под нос, он готовил аппаратуру. Термометры, вертушки. И пробирки. Сотни пробирок.

А ещё микроскоп, сачки, марлю...

Дел у него невпроворот. Он будет «делать станции»: брать пробы забортной воды, записывать её температуру и солёность.

Четыре толстенных журнала для записей ожидают его.

Некогда ему баловаться.

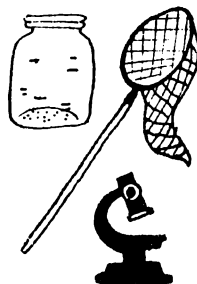
КАЯ

И Кая не могла толкнуть.

Она спала.

Она спала с той минуты, как шхуна отошла от берега.

Как выяснилось позже, она всегда спала. На ходу. Сидя. Стоя.

Кая была врачом. Легководолазам нужен врач. Он нужен им как воздух, как насос, как ласты.

Она была самым удивительным врачом, какого мне только приходилось встречать.

В свободное время, когда она не спала, ОНА ТОЛКАЛА ЯДРО.

Тяжеленное ядро. Я как-то попробовал и вывихнул руку.

А она ничего. Ядро летало у неё, как из пушки.

Она была чемпионом города.

А сейчас она спала.

Спала не просыпаясь. Как Спящая красавица. Как февральский медведь.

— ХР-РР-Р! ФФФ... ХР-РР-Р!

Где уж ей толкать меня?

ДИМА

Дима только-только окончил институт.

Он был специалист по доисторическим рыбам. ПО РЫБЬИМ ОТПЕЧАТКАМ НА КАМНЕ.

Дима — это маленький Марлен. Очень дельный и решительный. Только у Марлена бороды нет, а у него борода.

Замечательная борода.

— Вы не с Кубы? — спрашивали у него мальчишки.

— Нет, дети, я не с Кубы! — отвечал Дима.

— Врёт! Конечно с Кубы! — Мальчишки шли сзади него толпой.

Мог такой человек толкнуть меня? Нет.

А КТО ЖЕ?

Капитан стоял у руля. Моторист был в машине. Между прочим, я так его и не видел.

КТО ЖЕ МЕНЯ ТОЛКНУЛ?

Наверное, я сам себя толкнул в воду. Так сказал Марлен.

ГОЛУБАЯ БУХТА

Вечером мы пришли в Голубую бухту.
Я даже не понял, что это бухта.

Мы шли с моря прямо на высокий берег. Он рос, рос, отступил, выбросил в море справа и слева от нас два низких мыса.

— Пришли, — сказал капитан, — Голубая бухта. — И зевнул.

Ему, видно, надоели все бухты на свете. Он поставил шхуну на якорь, сел и начал штопать носок.

НАСТОЯЩИЙ МОРСКОЙ ВОЛК!

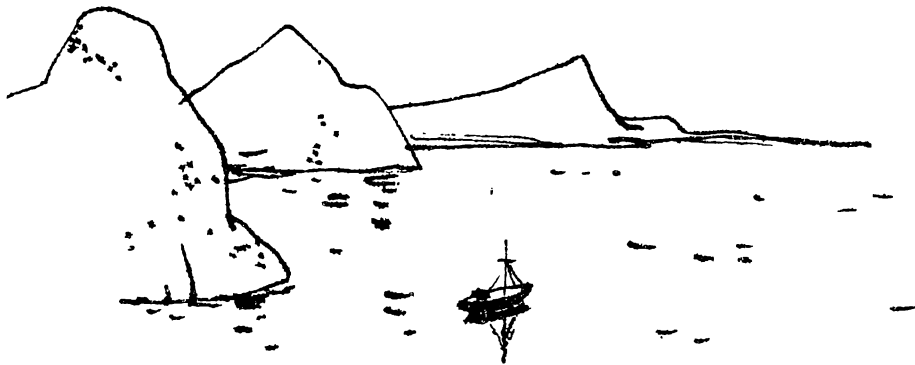
Из машины слышался стук молотка. Моторист перестал управлять мотором и начал чинить его.

Интересно, покажется ли он когда-нибудь?

ПУШЕЧНЫЕ ЯДРА

«Тригла» стояла у самого берега.

Высокая каменная стена, освещённая закатным солнцем, уходила отвесно в воду.

Стена была покрыта круглыми глубокими вмятинами.

— Ого! — удивился Дима. — Что это?

Капитан отложил носок.

— Нахимов, — сказал он и подошёл к нам. — А может, Лазарев. Кто их знает, — русские адмиралы, прежде чем палить в турок, учились здесь. Палили в стену. В упор всем бортом как ахнут! Вот дыму было!

У Марлена в руках был бинокль.

Он внимательно осматривал каждый выступ.

— Нет отпечатков, — сказал он. — И той скалы нет. Сползла в воду... Показать её?

Он протянул мне фотографию.

Старую, пожелтевшую фотографию Голубой бухты. Одна из скал на снимке была помечена крестиком.

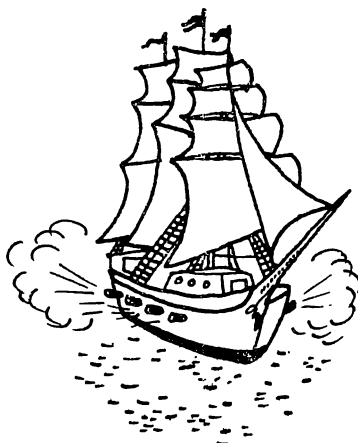
Чёрная скала, с белыми полосами.

— Это и есть отпечатки? — спросил я.

— Нет. Отпечатков на снимке не видно. Это кварц, минерал такой. Очень приметная скала.

Интересно, найдём мы её или нет?

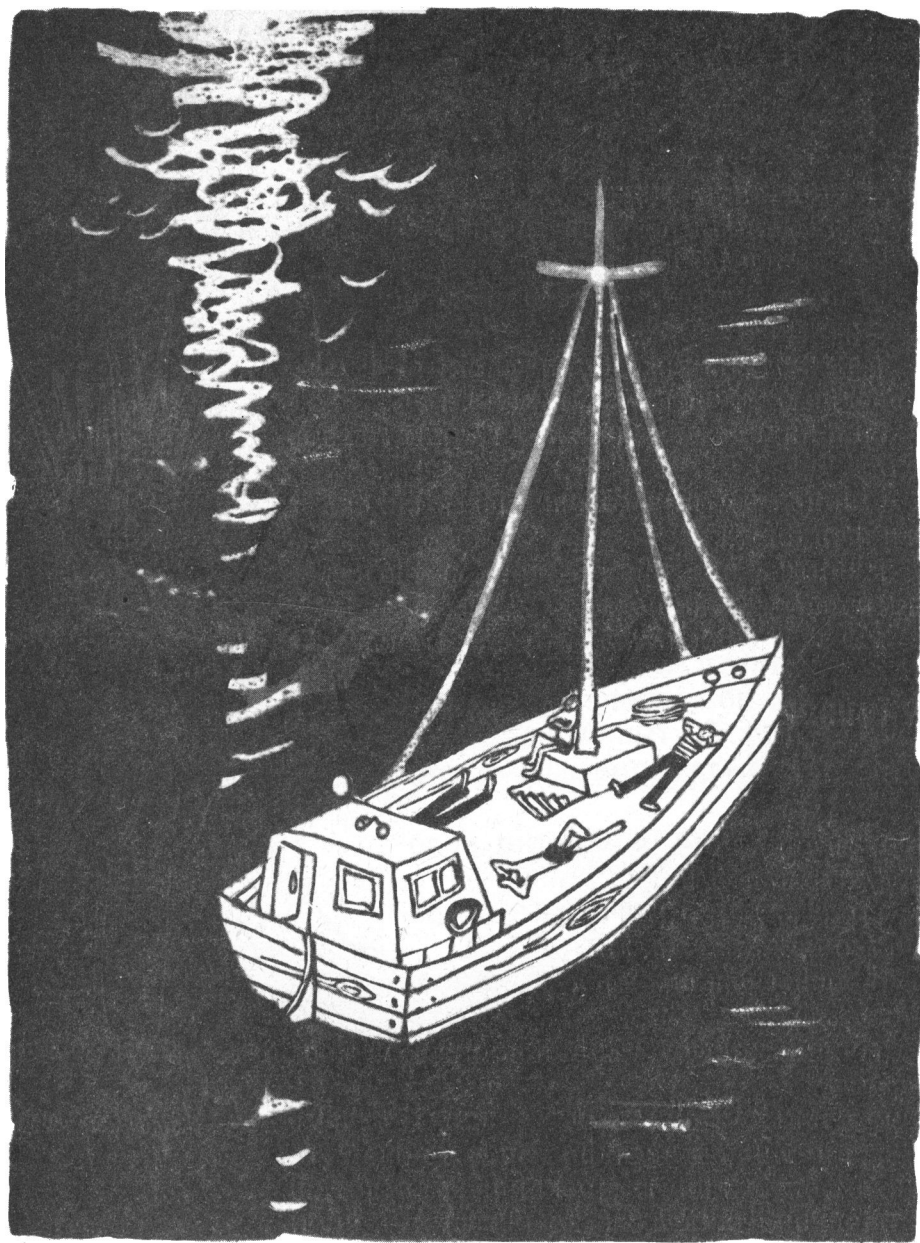
А сейчас пора спать.

*Адмирал
П. С. Нахимов*

*Адмирал
М. П. Лазарев*

НОЧЬ

Это была моя первая ночь в море.

Мы спали на палубе. Вповалку.

Шхуна вздрагивала. Слабая волна то и дело поднимала её.

Поскрипывал узел, которым был завязан якорный канат. Поскрипывали доски.

Надо мной в звёздное небо тенью уходила мачта. Верхушка её запуталась в звёздах.

Тонкий крючок луны цеплялся за вершины гор.

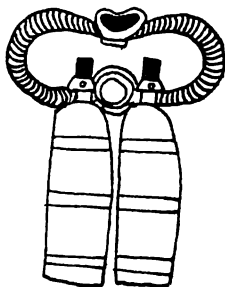
С берега доносился шум водопада; сладко пахло сухой травой.

НЕТ, НА МОРЕ НЕ ТАК УЖ ПЛОХО!

Вздохнув, я положил голову на шершавую Диминову ногу и уснул.

Маска

Акваланг

НАЧАЛОСЬ

Когда я проснулся, моторист уже стучал внизу в машине.

Капитан протирал суконкой сигнальный фонарь.

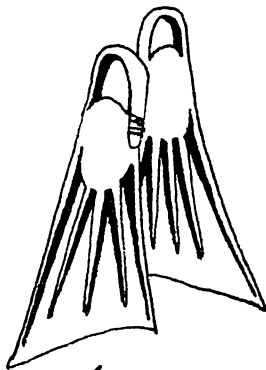
Марлен и Дима готовились к спуску в воду.

Они надели акваланги — гулкие металлические баллоны, маски, ласты.

Кая вытащила на палубу сумку с красным крестом.

Марлен и Дима спустились за борт лесенку, сошли по ней в воду.

Там, где они исчезли, забили серебряные роднички пузырей.

Ласты

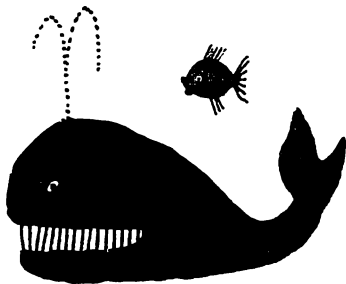
Следом за ними в воду полез Веня. Без акваланга. Он будет дежурить на поверхности.

Мало ли что может случиться!

Медленно перебирая руками, он переплывал с одного места на другое. Лицо его было задумчиво.

Я уже знал, о чём он думает:

**КАК БЫ ПОЙМАТЬ ВЕСЛО-
НОГОГО.**

ДВАДЦАТЬ НОГ

Это Марлен рассказал мне, о чём мечтает Веня.

Он хочет сделать ОТКРЫТИЕ. Открыть новое, неизвестное науке, животное.

Сделать это ужасно трудно.

Рыбы все открыты. Открыты киты, тюлени. Даже лягушки.

Остались одни рачки.

Малюсенькие-

малюсенькие.

Вот такие:

Рачков тысячи. Они отличаются друг от друга усиками, ножками, глазами.

Особенно много двадцатиногих рачков с ножками-вёслами. Каждый год на земле открывают нового веслоногого рачка.

**ЗДЕСЬ, НА «ТРИГЛЕ», ВЕНЯ
ОТКРОЕТ ЕЩЁ ОДНОГО.**

...ХЕЛЬ

Вернувшись, Марлен сказал:

— Ну и дно! Ничего не понять: камни есть, а отпечатков нет. Придётся оплавить всю бухту!

С его трупов падали круглые, как пяточки, капли.

Вот бы его таким нарисовать!

Стоит на палубе, за спиной акваланг, а с трупов падают большие бронзовые капли.

И небо — синее-синее.

— Николай, — сказал Марлен, — посмотри, что я нашёл.

Он протянул руку. В руке лежал красный осколок. Кусок пластмассовой крышки от коробки.

Немецкие солдаты во время войны хранили в таких коробках масло, сахар, соль.

Марлен нашёл осколок на дне, между камнями.

На нём было нацарапано по-немецки «hel».

— ХЕЛЬ... Видно, его звали Михель, — сказал Марлен. — Когда немцы взорвали свой склад, в нём было ещё много людей...

Он замолчал.

Я вспомнил: Марлен воевал под Севастополем. Тут, рядом.

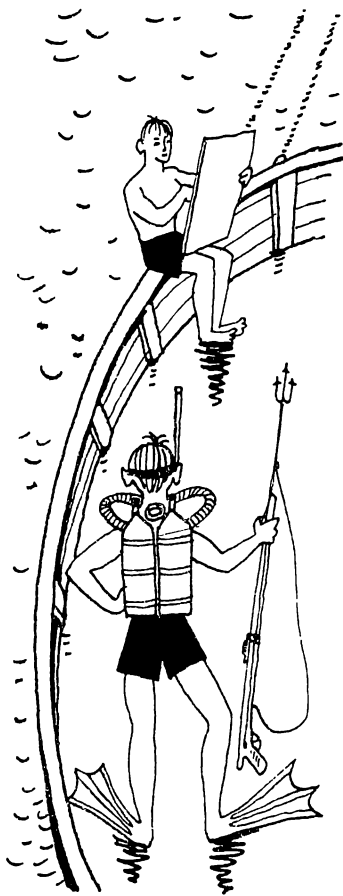
Я как-то спросил его:

— Ты кем кончил войну? Офицером?

— Солдатом.

Очень странно! Ведь Марлен всегда впереди.

Я часто представлял себе такую картину: бой, командира батальона убили, Марлен — лейте-

нант — принял командование, и враг разбит.

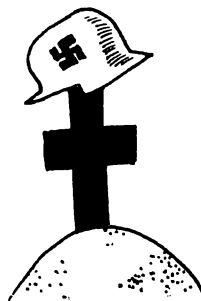
И вдруг — простой солдат!..

К нам подошёл капитан.

— Вот здесь, хлопчики, — сказал он, — высаживал я во время войны разведчиков. С мотобота. Кто-то с берега как полосанёт из пулемёта! Хорошо — была у нас дым-шашка.

Но тут Марлен поднял руку.

— Дельфины! — сказал он. — Скорее к ним! Скорее!

ДЕЛЬФИНЫ

Дельфины нам были нужны.

Дима уверяет, что дельфин после человека самое умное существо на Земле.

Умнее собаки. Умнее лошади.

Дельфин может носить за человеком поноску, играть в мяч, прыгать через обруч. Может считать до десяти.

В Новой Зеландии был дельфин, который катал на себе детей. Прямо по воде. С седлом, как пони. И ни разу не уронил ребёнка.

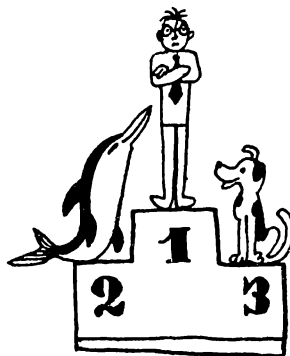
ДЕЛЬФИНЫ — ЭТО ТЫСЯЧА И ОДНА ЗАГАДКА.

Они даже плавают как-то по-особенному, не так, как рыбы. А как, — точно не знает никто.

А как они разговаривают друг с другом?..

Марлен давно мечтал попасть в стаю дельфинов. Поплывать с ними. Посмотреть на них из-под воды.

— Полный вперёд!

«Тригла» снялась с якоря и направилась к стае.

Но дельфинов мы нагнать не смогли. Они плыли в десять раз быстрее шхуны.

Тогда Марлен предложил: он выбросится за борт, шхуна отойдёт в сторону, дельфины вернутся, и он окажется среди них!

ЗДОРОВО ПРИДУМАНО!

Мы так и сделали. Марлен прыгнул за борт.

А мы ушли.

Через полчаса наша шхуна вернулась. На то же самое место. Тютелька в тютельку.

Но Марлена здесь не оказалось.

— Что такое?!

Битый час мы ходили взад-вперёд, разыскивая его.

Марлена не было!

Уж не утонул ли он?

Наконец капитан заметил далеко от шхуны в воде человеческую голову. Человек вяло махал рукой.

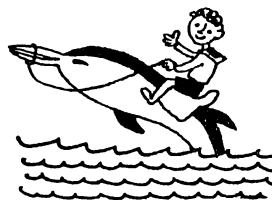
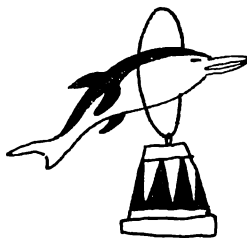
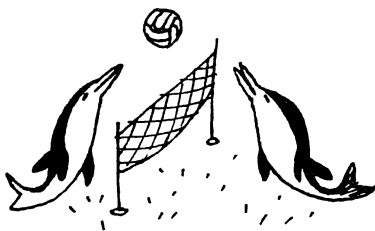
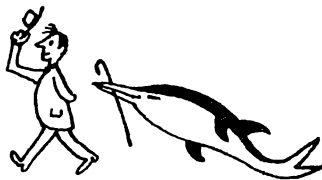
Это был Марлен.

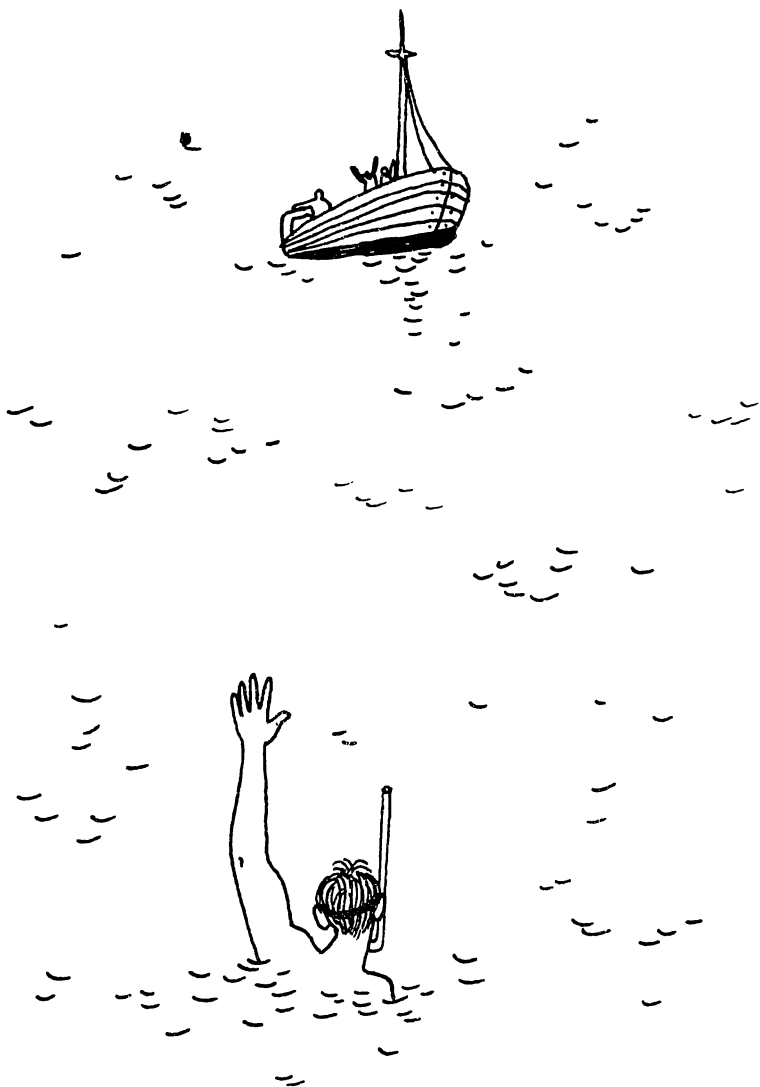
Его втащили на борт.

Он ослабел и ругался шёпотом.

Он проклинал нас, море, дельфинов.

Он говорил, что мы **НАРОЧНО** целый час ходили вокруг него. **НАРОЧНО** не замечали зна-

ков. Один раз чуть было НАРОЧНО не зарубили его винтом.

Что за чепуха!

И только капитан догадался, в чём дело.

Со шхуны голова Марлена казалась точкой. На тёмной воде её не было видно.

А для Марлена шхуна на фоне неба всё время была видна и казалась совсем рядом.

— А дельфины? — спросили мы.

— Они так и не приплыли.

— Ещё бы, — сказал капитан, — так морской зверь к тебе и подплывёт! Он человеком обижен. . .

И мы услышали историю серого кита, по прозвищу Боб.

СЕРЫЙ БОБ

— Это произошло, — сказал капитан, — лет десять назад. В Северной Атлантике.

Летом здесь собираются на промысел рыбаки. Они ловят сельдь.

Сельдь ходит громадными косяками на отмелях, прогретых солнцем. На отмелях, где тучами роится еле заметный глазу рачок. Рыба нагуливает жир.

Ловят её здесь в несметных количествах.

Тысячи рыболовецких траулеров со всех концов мира бродят следом за лиловыми селёдочными косяками.

Траулеры, как чёрные муравьи, снуют по отмелям. Каждый тащит за собой невод.

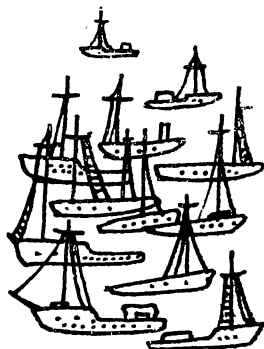
Стучат дизеля. Стучат разделочные ножи. Густой запах солёной рыбы стоит над океаном.

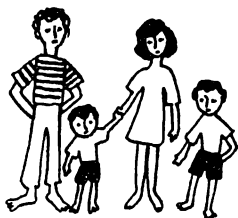
И вот однажды среди кораблей появился огромный кит.

— Гляди, серый! — удивились рыбаки.

Серый кит — редкость.

Рыбаки сказали это на разных языках, но одинаково ра-

достно. Даже кит — развлечение в эти туго набитые работой и рыбой дни.

В полдень с итальянского судна за борт упал человек. Он поскользнулся на брошенной на палубу селёдочной голове и не успел крикнуть, как очутился в воде.

На судне хватились его не сразу. Стали искать и, конечно, не нашли.

— Жаль Антонио, — сказал капитан, — он был хороший рыбак...

Он мог бы добавить: «И хороший отец». У Антонио было четверо детей.

— Надо искать его, капитан, всё время искать! — сказал молодой моторист. Он впервые видел, как гибнет в море человек.

Капитан молчал. Уж он-то знал: человека ищут НЕ ДОЛЬШЕ, ЧЕМ ОН МОЖЕТ ПРОДЕРЖАТЬСЯ НА ВОДЕ.

— Капитан, я вижу вон там что-то серое!

— Это сегодняшний кит. Гоняется за селёдкой.

— Но он кружится на одном месте!

Капитан пожал плечами.

— Можно посмотреть...

Траулер направился к киту.

Когда рыбаки подошли, серый великан отплыл в сторону. На том месте, возле которого минуту назад кружилось животное, белела матросская куртка.

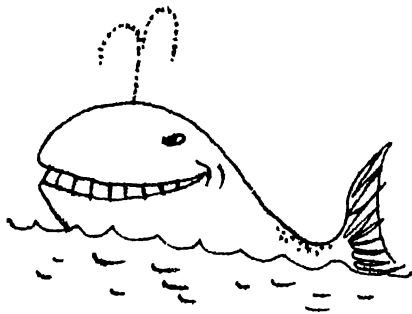
Это был ослабевший, потерявший надежду Антонио...

С этого дня кит стал другом рыбаков и получил кличку Серый Боб.

Каждое лето Серый Боб появлялся на отмелях.

— Здорово, приятель! — кричали ему матросы.

Шумно вздыхая, Боб медленно проплывал между судами.

Дважды он попадался в сети. Одну порвал, во второй запутался.

Его подтащили к борту траулера и осторожно разрезали сеть.

После этого случая Боб стал совсем ручным.

— Не кончится это добром! — говорили старые капитаны, глядя, как Боб лениво переворачивается под самым носом у кораблей. — Где это видано, чтобы животное лезло на корабль?

И беда пришла.

К самому концу сезона на отмели появился английский траулер. Вместо дизелей у него стояла газовая турбина. Капитан его, молодой моряк, впервые получивший под своё командование судно, торопился. Нужно было до ухода рыбы с отмелей набить трюмы.

Кита он возненавидел с первого же дня.

— Этот проклятый зверь пугает рыбу, — зло повторял он. — Кому нужен цирк в море!

Однажды траулер, приготовив сеть, гнался за косяком. Неожиданно перед носом судна вынырнула громадная серая туша. Боб перевернулся несколько раз и, привлечённый необычным звуком моторов, приблизился к самому борту.

— Осторожнее, капитан! — крикнул кто-то из матросов. — Не пораньте Боба!

Капитан сделал вид, что не слышит.

Он уже заметил на горизонте фиолетовое пятно. Косяк!

— Право руля!

Корма траулера стремительно двинулась в сторону кита.

— Эй, приятель!

Но было уже поздно. Острые, как ножи, лопасти винта врезались в мягкое тело животного.

Боб рванулся и, оставляя за собой длинный кровавый след, ушёл на глубину. Больше его на отмелях не встречал никто...

— Капитан, это правда? — тихо спросила Кая.

Капитан с жалостью посмотрел на неё.

— Разве такое выдумашь?.. — помолчав, сказал он.

— А кит... его убили?

— Н-не знаю. У кита на спине сала — полметра. Могли и не убить... Обиделся кит.

Мы молчали.

— А что стало с англичанином? — спросил Веня.

— Вернулся в Англию. Там вся команда списалась на берег. Пришлось уйти и капитану. Ни один матрос не хотел больше плавать с ним... Вот так. Пошли назад в бухту?

ЖЕЛЕЗНОЕ РАСПИСАНИЕ

Когда мы вернулись в Голубую бухту, Марлен распределил обязанности.

Он составил железное расписание.

Веня берёт станции. Каждые четыре часа.

Я веду перепись рыб.

Кая следит за водолазными спусками и заполняет Венины журналы.

Марлен и Дима два раза в день обследуют дно.

Всё по расписанию и ни шага в сторону!

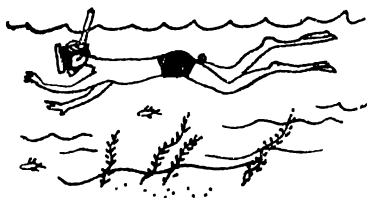
Кроме того, я должен ВСЕМ ПОМОГАТЬ. Так... Так... Картины я, очевидно, должен писать ночью.

МЕНЯ УЧАТ ПЛАВАТЬ

— А ты, кстати, плавать умеешь? — спросил Марлен.

— Не очень... В общем, плохо.

— Тогда смотри!
И он мне показал, как надо плавать.

Надеваешь маску и ласты, ложишься на воду. В маске воздух. Она, как поплавок, держит голову. Дышишь через трубку. Шевелишь

ногами. Ласты извиваются, как змеи, и ты поплыл. Руки свободны для работы.

— Не переплыви сгоряча море! — предупредил Марлен.

В маске, с ластами, я сполз за борт. Зашевелил ногами и — поплыл.

Долго плыл. Оглянулся — от шхуны отплыл шагов на десять.

Так что зря Марлен беспокоился: море я не переплыву. Уж разве что сгоряча.

ПИСЬМО

Вторая ночь.

Я зажёл на палубе огарок свечи и написал письмо. ПИСЬМО МОРЯКА. На клочке бумаги. Огрызком карандаша. Под свист ветра и выстрелы пиратов. «Капитан, где моя шпага?..»

Вот что я написал:

Дорогие мама и Зина!

Не удивляйтесь, если письмо будет пахнуть смолой и солью, — пишу на корабле.

Второй день плывём по Чёрному морю. Всё идёт замечательно. Я боялся, что не будет ни одного шторма, но их здесь достаточно. На днях какие-то олухи взорвали в море мину. Я первый бросился за борт, чтобы обследовать дно.

Капитан и Марлен (наш начальник) — парни ничего. Если с ними что-нибудь случится, боюсь, заменять их придётся мне.

Отвечать не старайтесь, почта не дойдёт. Письмо бросаю в бутылке в море (здесь все делают так).

Ваш сын и брат Коля.

Я запечатал письмо в бутылку из-под нарзана и бросил бутылку в море...

Проснулся я раньше всех.

По бледно-жёлтому небу ползли ватные облака.

Море было тихим и стальным.

Я вышел на корму и начал делать приседания.

— Раз... Два... Раз... Это что такое?

Метрах в десяти от шхуны покачивалась на воде бутылка.

МОЯ БУТЫЛКА С ПИСЬМОМ.

Я представил: её вылавливают, раскупоривают и читают вслух письмо.

СГОРЕТЬ МОЖНО ОТ СТЫДА!

Раздумывать было некогда.

Я перевалился через борт в воду.

Стуча по воде руками, как утопающий, я поплыл к бутылке.

Цоп!

Холодное скользкое горлышко очутилось в моей ладони.

— Ты что там делаешь?

Сонно протирая глаза, у борта стоял Дима.

НАДО ЖЕ БЫЛО ЕМУ ПРОСНУТЬСЯ!

Я судорожно глотнул воздуха и скрылся с бутылкой под водой.

Пробка была как камень!

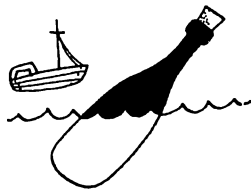
Чуть не плача, я зубами вырвал её.

Буль-буль-буль! Бутылка пошла на дно.

— Уфф!

Я вынырнул, отдышался и, стараясь плыть **НЕБРЕЖНО**, вернулся на «Триглу».

— Сказочное утро! — бросил я Диме. — Люблю с утра поплавать!

ПЕРВЫЙ КОСМОПЛАВ

В это утро я отважился пуститься в настоящее плавание.

Я лежал на груди, быстро перебирая ластами, и плыл над подводным лесом.

Дно было покрыто лохматыми, похожими на еловые лапы, водорослями. Между ними чернели щербатые кривые камни да светились жёлтые россыпи гальки.

Морских рыб я часто рисовал для книг и теперь легко узнавал их.

На камнях сидели ерши — такие же чёрные и щербатые, как камни.

Колченогий краб, смешно взбрыкивая ногами, пробежал по гальке.

Пронеслись стайей кефали — узкие серебристые рыбы, стремительные, как стрелы.

Мягкий рассеянный свет без теней ложился на подводные леса и скалы.

Это был удивительный, какой-то космический мир.

А я — первый космоплав.

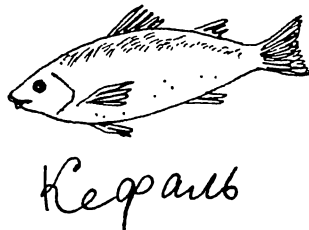
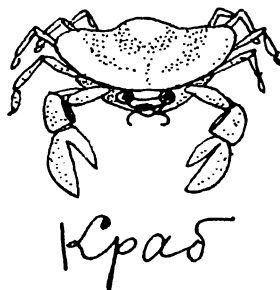
Я плыл, не чувствуя веса своего тела, не видя, где начинается и где кончается толща воды.

Перед моим лицом беззвучно ломалось и распадалось на куски серебристое зеркало.

Это играл свет на волнах.

Когда я вернулся на шхуну, то спросил Марлену:

— Ну как я плыл?

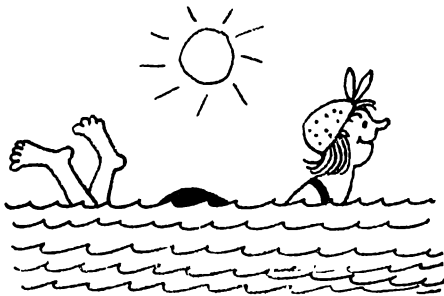

— Ничего,—спокойно ответил он.

Я обиделся.

— В общем, ничего,— повторил наш начальник, — только болтал головой и взбрыкивал ногами, как курортница.

Я захлопал глазами от неожиданности. Мне казалось, что я плыл ве-ли-ко-леп-но!

БЕЛЫЕ МЕШОЧКИ

Мы работали по расписанию. По железному расписанию, которое составил Марлен.

Мне некогда было вздохнуть. Про кисть и краски я забыл. Я крутился, как белка в колесе.

На свет появились белые мешочки.

ЭТО ТЕПЕРЬ САМОЕ ГЛАВНОЕ.

В каждом мешочке лежала рыба приманка.

Пахучая-препахучая.

Мешочки я привязывал к шнурам. У каждого шнура были якорь и поплавок. Шнуры я бросал за борт везде, где останавливалась шхуна.

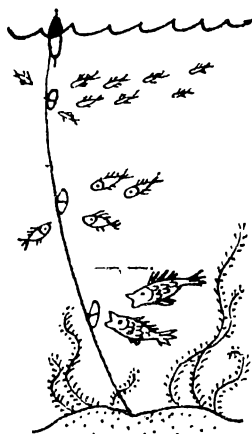
Я плавал от поплавка к поплавку.

Я вёл рыбу перепись.

Я висел, сгорбившись, в воде и писал. Тупым гвоздём на алюминиевой пластинке.

Записывал рыб.

Шнур был туго натянут между якорем и поплавком. На каждом шнуре висели три белых мешочка. У самого дна, посередине и у поверхности.

Около мешочка толпились рыбы.

У верхнего — юркая серебристая мелочь.

У среднего — рыбы посолиднее, но тоже отливающие серебром.

У самого нижнего — ни на кого не похожие обитатели морского дна. Зелёные и бурые — под цвет камней и водорослей.

Теперь я совсем забыл, что плохо плаваю. Мне некогда было плохо плавать. Я плавал хорошо.

ВПРОЧЕМ, В СЛУЧАЕ ЧЕГО, СПАСАТЬ МЕНЯ ДОЛЖЕН БЫЛ ВЕНЯ.

ПОДВОДНЫЕ ПТИЦЫ

Я вывернул один мешочек, и горсть бурых крошек закружилась около шнура.

Откуда ни возьмись, на них налетела стая чёрных бархатных рыбок.

Хвостик у каждой был раздвоен.

Рыбки не стояли на месте, не плавали по кругу, как другие. Они причудливо порхали, переносясь с места на место. Чёрные хвостики не знали покоя. Рыбки вились вокруг медленно тонущих крошек.

Ко мне подплыл Марлен.

«Морские ласточки», — нацарапал он на дощечке.

Конечно, ласточки... Как же им называться ещё?

морские ласточки (мокаси)

Прямо подо мной из водорослей торчала серая палка.
Вдруг я заметил, что палка

И
З
Г
И
Б
А
Е
Т
С
Я

— Живая!

Я решился, набрал воздуха и нырнул.

Дойдя до дна, я увидел полянку, поросшую бурными водорослями, а на ней — кучу угрюмых чёрных камней.

Из бурых листьев торчала здоровенная рыба-игла.

Рыба-иглолка, которых полно в матрасах, набитых морской травой.

САМАЯ БЕЗОБИДНАЯ ИЗ РЫБ, — так пишется в книгах.

Я протянул руку.

Рыба тронулась с места и пошла на глубину. В камни.

Она плыла ужасно нелепо, плыла СТОЯ — головой вверх, хвостом вниз. Глубже, глубже.

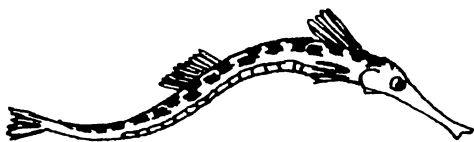
Я снова протянул руку, схватил иглу и...

МНЕ НЕ ХВАТАЕТ ВОЗДУХУ!!!

Из рта выскочил серебряный пузырьёк. Перед глазами пошли красные круги. Я потерял сознание...

Чья-то сильная рука тащила меня наверх...

Вот всё, что я помню.

Рыба - игла

О НОГАХ

Спас меня Марлен.

Это он заметил: со мной что-то неладное.

А Веня?

ОН ДУМАЛ О СВОИХ
ДВАДЦАТИНОГИХ.

Обо мне он забыл.

НУ КОНЕЧНО, ВЕДЬ У МЕНЯ ДВЕ НОГИ...

У Марлена с ним был разговор.

Веня целый день потом ходил в пятнах. Как жирафа.

Двадцатиногие, и верно, не давали ему покоя.

То и дело Веня доставал из-за борта ведро воды.

Воду процеживал через марлю.

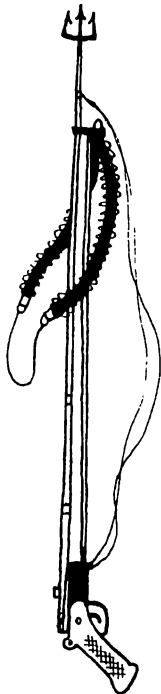
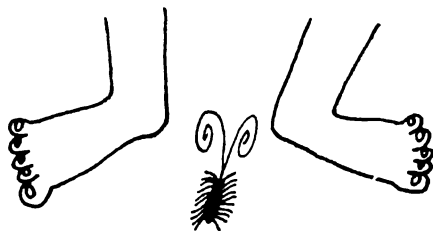
На марле оставался комочек голубоватой слизи.

ЭТО БЫЛИ РАЧКИ.

Вернее, в слизи было ЧТО УГОДНО и рачки тоже.

Слизь он осторожно собирал на стёклышко и рассматривал через микроскоп.

НОВЫЕ ВЕСЛОНОГИЕ НЕ ПОПАДАЛИСЬ.

Ружьё

РУЖЬЁ

В каюте, над койкой Марлена, висело ружьё. Необыкновенное ружьё. Для подводной охоты.

Оно стреляло гарпуном. Две стальные пружины вились бок о бок вдоль металлического ложа.

— Этим ружьём можно убить кита, — сказал как-то Марлен.

Я не понял, шутит он или всерьёз.

Разве можно такое страшное оружие оставлять на стене, без присмотра?

Однажды, когда Марлена не было, я снял ружьё со стены и попробовал взвести курок. Тяжёлые пружины едва шевельнулись.

Я понял, почему Марлен не боится за ружьё.

Кроме него, с ружьём никому не справиться!

БРИЛЬ

Мы ходили по шхуне растрёпанные и волосатые.

Один Веня в аккуратной соломенной шляпе.

— Очень милая шляпка. Где ты её достал? — спросила однажды Кая.

— Не твоё дело, — обиделся Веня.

— Позор! — сказал Марлен. Он давно присматривался к Вениной шляпе. — На корабле — такая панама! Нас примут за диверсантов и арестуют.

— Это бриль, — гордо возразил Веня.

— Вот и хорошо. Выбрось его за борт.

Марлен до сих пор не простил Вене случай со мной.

МЫ ИЩЕМ, ИЩЕМ, ИЩЕМ...

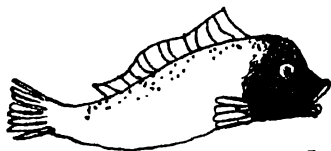
Потянулись скучные дни.

Каждое утро «Тригла» снималась с якоря и шла «в точку» — к заранее намеченному месту.

Таких точек Марлен наметил сорок.

В «точке» Марлен и Дима осматривали дно. Веня брал станцию. Я записывал рыб.

Каждый день одно и то же.

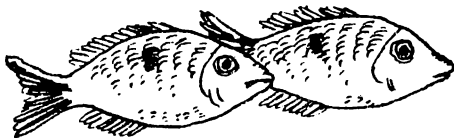
морская собака

Зебрушка

Окуш

смагиды

Вначале мы с нетерпением ждали возвращения водолазов.
А вдруг сегодня нашли!

— Нет! — мрачно говорили они.

И мы привыкли.

Мы только вопросительно смотрели на них, а они в ответ только качали головами.

Потом мы перестали смотреть, а они перестали качать.

Тогда все стали пожимать плечами.

— Кто знает, где эти камни? — говорили мы. — Может, никаких отпечатков-то и не было?

Тогда Марлен вытаскивал из бумажника пожелтевшую фотографию.

— Отпечатки были вот здесь, — уверенно показывал он.

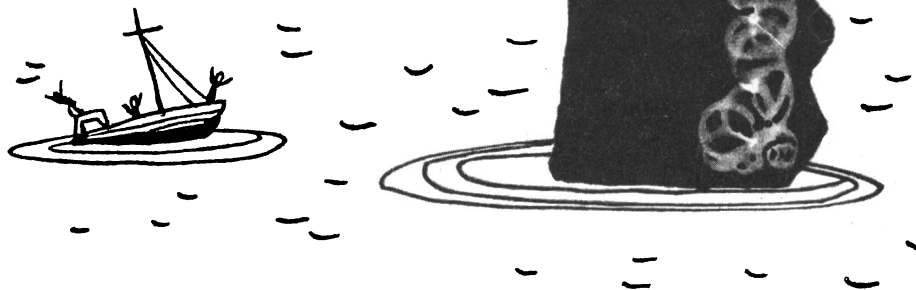
НЕПРАВИЛЬНЫЙ ЯЩЕР

Я так много думал о древних следах, что как-то ночью мне даже приснился ихтиозавр.

Большой, серый. Сначала он шёл по берегу, а потом поднялся на задние лапы и вошёл в воду.

Он подошёл к «Тригле» и, подняв над ней маленькую злую головку на тонкой шее, зловеще замер.

Я проснулся в холодном поту.

— Эх, ты! — сказал Марлен, когда я рассказал ему сон. — По-твоему, ихтиозавры на четырёх ногах? А ну нарисуй.

Я нарисовал.

— Это же бронтозавр, сухопутный ящер. А ихтиозавр — морской, вроде зубатого дельфина. Тоже мне художник! Правильного ящера увидеть во сне не можешь!

Больше неправильные ящеры мне не снились.

ГДЕ ЖЕ КАМНИ?

А дни шли.

Мы съели мясо, капусту. Хлеб зачерствел.

Мы перешли на консервы. За обедом капитан стал класть на стол, для желающих, сухари.

Пища богов!..

— Но где же камни?

Этот вопрос мучил нас.

— Кажется, я знаю, — сказал наконец Веня. — Камни выветриваются. За миллион лет камень теряет до половины своего веса.

Марлен посмотрел на него уничтожающе.

И тут меня осенило.

А что, если?..

Нет, не может быть! Слишком просто! Скажешь — засмеют.

И я промолчал.

ШПИЛЬ

На носу шхуны стоял шпиль — здоровенная чугунная тумба.

Она соединялась с мотором.

Когда нужно было вытащить якорь, капитан набрасывал на тумбу якорную цепь. Запускали мотор. Тумба, поскрипывая, начинала крутиться.

Цепь наматывалась на неё, якорь неторопливо и важно показывался из воды.

— Отличная машина! — говорил капитан и шлёпал ладонью по ржавой макушке шпиля. — Чёрта своротит!

Ночью Кая сушила на шпиле купальник.

Больше шпиль не интересовал никого.

ЯКОРЬ

Каждый раз, на ночь, мы проверяли, как лежит якорь. Хорошо ли зарылся в песок?

Однажды Веня, который нырял к якорю, вернулся обескураженный.

— Ничего не пойму, — сказал он, стянув с лица маску и разводя руками. — Вчера всё было в порядке, а сегодня якорь лежит поверх песка. Кто-то ВЫРЫЛ его.

— Это ещё что такое? — возмутился Марлен. — Дом с привидениями? Кто будет рыться на дне около нашего якоря?

— Морские духи, — сказал Дима.

— И всё-таки якорь вырыли, — настаивал Веня.

Дима сложил ладони лодочкой и пошевелил пальцами — это значило: ВОТ ДО ЧЕГО ДОВОДЯТ ДВАДЦАТИНОГИЕ!

КАК ВЕНЯ СОЧИНИЛ СТИХИ

Я сидел у мачты и смотрел, как опускается в море солнце. Оно было похоже на лимон. Жёлтое и расплющенное.

Рядом со мной сидел Веня. Он шевелил губами.

— Знаешь что, — сказал он. — Я, кажется, сочинил стихи. Хорошие стихи: тум-туру-рум-тум, тум-туру-рум-тум... Три строчки сочинил, а четвертую не могу придумать.

— А ну прочти! — сказал Марлен.
И Веня прочел:

Шёл весёлый барабанщик,
Шёл весёлый барабанщик,
Шёл весёлый барабанщик...

— Громко плакал и рыдал, — сказал Марлен. — Можешь не стараться: эти

стихи я уже где-то читал... Ну и команда! Один ходит в панапе, вторая спит, есть свой Айвазовский. Не хватало Пушкина. А между прочим, время — двадцать ноль-ноль. Кто будет за тебя температуру воды измерять? Раки?..

20.00

Двадцать ноль-ноль — это восемь часов вечера. По-корабельному.

Я давно уже понял: на корабле всё не так, как на суше.

Пол называется палуба. Комната — каюта. Наш капитан вместо компас говорит компас, вместо маяк — маяки.

Но путаннее всего — время.

Дома у меня на столе стоял будильник. На нём были числа от 0 до 12. Половина пятого была половиной пятого. Стрелки я мог крутить, как хотел. Время подчинялось мне.

На «Тригле» всё оказалось не так.

В первый же день ко мне подсел капитан и объяснил, что время бывает

судовое,
солнечное,
звёздное,
среднее.

И каждое — разное. Половина пятого — это может быть:

и 4.30

и 16.30

и 16.25

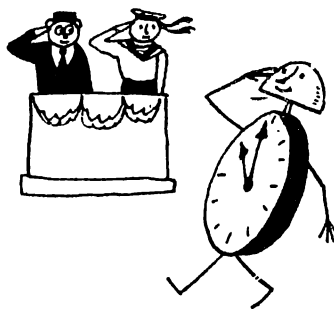
и 23.10

и все что угодно.

На корабле есть такие часы — хронометр. К ним нельзя прикасаться. Когда с хронометром нужно что-нибудь сделать, его сносят на берег и специальные люди колдуют над ним.

Время — это наука.

Я понял: время подчиняется не художникам, а учёным и морякам.

ТРИГЛА

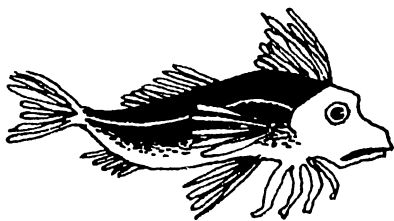
Я часто думал: почему наша шхуна называется «Тригла»?

— Три иглы?

— Три угла?

В оркестре есть такой инструмент — триангль. Треугольник. Если по нему ударить палочкой, раздаётся малиновый звон: денн-н-нь...

Как-то утром мы решили половить рыбу. Я, Дима и капитан.

*Морской петух
(тригла)*

За борт на капроновых жилках были опущены крючки с наживкой.

Капитану повезло. Его жилку сразу потащило в сторону. Он дёрнул. Жилка задрожала. Неторопливо смотав её, он вытащил на палубу рыбу.

Замечательную рыбу. Пёструю как птица, большеголовую, золотисто-бурую с голубыми плавниками.

— Морской петух, — сказал капитан, — тригла.

Так вот оно что! Наша неказистая шхуна называется именем этой красавицы!

Я долго разглядывал триглу, а когда вернулся к своей жилке, она тоже была туго натянута.

Я дёрнул — что-то сопротивлялось.

Все лица с любопытством повернулись ко мне.

Я торопливо начал выбирать удочку.

Наконец в воде показалось что-то жёлтое. Ещё одна диковинная рыба!

Я потянул — из глубины всплыл Венин бриль, аккуратно насаженный на крючок.

Бессовестные!

Я дёрнул — и... о счастье! — бриль отцепился. Поблёскивая полями, он снова погрузился в море.

Я оглядел шхуну,
Кая и Марлен смотрели в сторону,
Веня улыбался. Его чёрные волосы свободно
развевались по ветру.

— Кого поймал? — спросил, подходя, Дима.
Лицо у него было каменное.

— Триглу, — как можно небрежнее сказал
я. — Сорвалась.

— Ах, вот что!

Губы у Димы задрожали от смеха.

— Рыбу не мог вытащить, — сказал он и
ущипнул себя за бороду. — А ещё Айвазов-
ский!

*Памятник
И.К. Айвазовскому
в г. Феодосии*

АЙВАЗОВСКИЙ

Айвазовский был художник.

Он жил на берегу моря, в Феодосии.

В шторм он раскрывал настежь окна своего
дома и писал картины.

Солёные брызги летели на неоконченное по-
лотно.

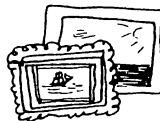
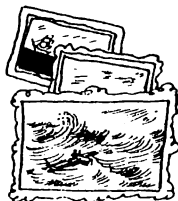
Он писал много.

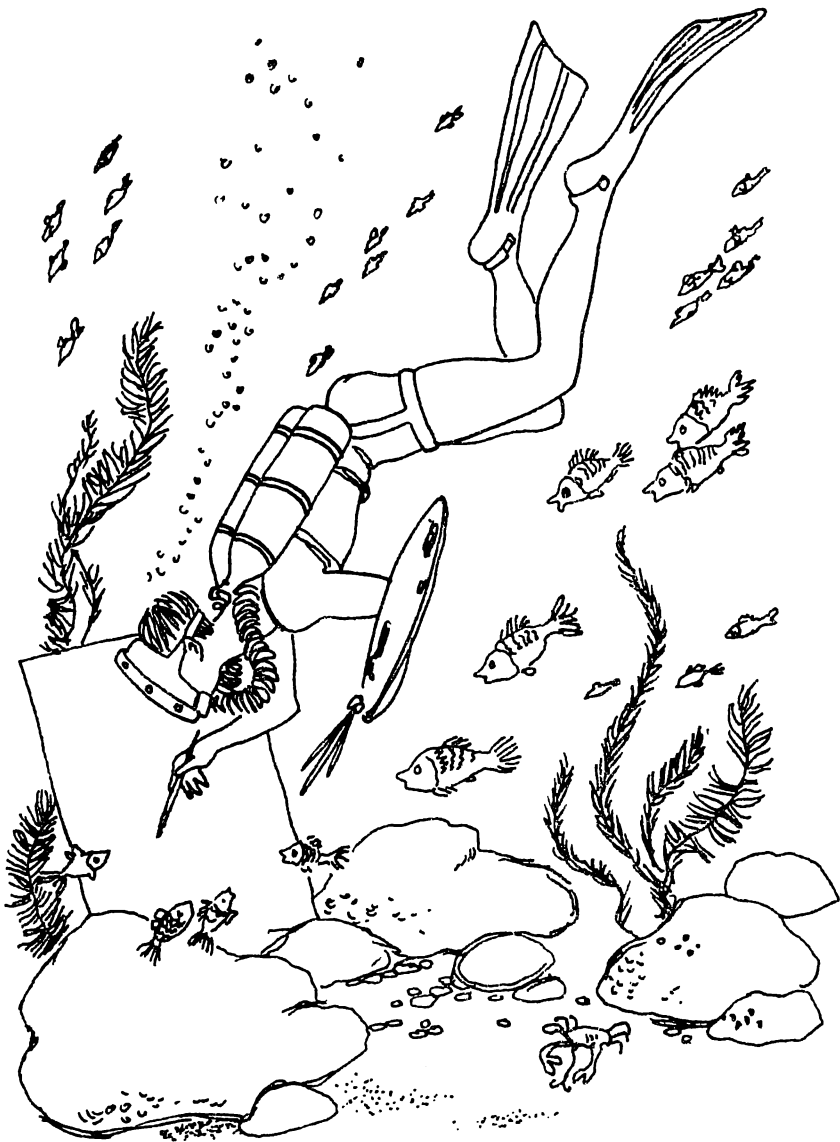
Он написал очень много картин. Несколько
тысяч.

И на всех было море.

Море утреннее и вечернее, море спокойное
и в бурю, море у берегов России, Италии,
Африки.

У Айвазовского есть картина «Наполеон на
острове Святой Елены». Этот остров находится
в Атлантическом океане. На картине бушуют
волны. Они пенятся у подножия отвесной скалы.
На вершине скалы стоит маленькая фигурка На-
полеона.

Айвазовского не интересовал французский император. Его интересовало море. Что бы он ни писал, — он писал только его.

КАК РЫБЫ СЪЕЛИ МОЮ КАРТИНУ

А мои картины не писались.

Картонки, заготовленные для них на берегу, сырели и покрывались плесенью.

Я устал. Я работал в воде часами. На шхуне я только спал.

И вдруг мне в голову пришла блестящая мысль. А что, если написать картину под водой?

Там так здорово!

Я сказал об этом товарищам.

— Для такого дела не жалко и акваланга, — сказал Марлен. — Пустим тебя на конце, чтобы не утонул. Будешь писать рядом со шхуной.

Конец — тонкая верёвка. Её прицепили мне за пояс. Чтобы кисти не всплыли, к ним привязали гайки.

Алюминиевый лист — вместо картона — принёс из машины капитан.

На меня навьючили акваланг, и я полез в воду.

Пять метров глубины. Светло как в студии!

Отчаянно пузыря и болтая ногами, я стал устраиваться. Положил лист, краски. Сидеть на дне оказалось страшно трудно. Я всё время всплывал и переворачивался вверх ногами.

Тогда я стал плавать вокруг листа. Подплыву, сделаю мазок — и поплыл дальше. Мазок за мазком.

И картина начала получаться.

Я писал подводный лес — бурые водоросли и лиловую даль, чёрные камни и кроваво-красных рыбок-собачек.

Очень хорошо!

Но тут появились зрители.

Стайка чёрных монашек-ласточек остановилась около

меня. Подплыл круглый, как блюдо, с чёрной отметиной на хвосте карась-ласкирь. Он уставился плоскими глазами на картину и начал задумчиво жевать губами.

Подошли серебристые кефальки. Самая храбрая из них подплыла к листу и клюнула его.

Её примеру последовали подружки.

Я не сразу понял, в чём дело.

Рыбы выскакивали одна за другой вперёд и — тюк! — ударялись губами о картину.

И вдруг я увидел: они едят краски! Замечательные краски, приготовленные на чистом растительном масле.

— Кыш! Кыш!

Я замахал руками и тотчас же очутился метрах в десяти от картины.

Разбойницы-рыбы почувствовали свободу. Они дружно бросились вперёд... и, когда я вернулся, на алюминиевом листе лишь кое-где пестрели остатки краски...

Я дёрнул за верёвку: «Ташите наверх!»

Картины не существовало.

ПЛОВ ИЗ РАКУШЕК

Мы работали в Голубой бухте уже неделю.
Нам надоели консервы и чёрствый хлеб.

— Сегодня я приготовлю вам плов из ракушек! — сказал капитан.

ПЛОВ — ЭТО ХОРОШО!

По этому поводу Марлен объявил выходных полдня.

Капитан оживился. В его глазах зажглись огоньки.

Плов — это рис, масло, ракушки.

Рис и масло были в шкафу.

Ракушки — на морском дне.

— Надрать мидий! — распорядился Марлен.

Бросили жребий.

Лезть в воду досталось Диме и мне.

Мы не заставили себя ждать.

Вот и дно. В некоторых местах ракушки ковром покрывают камни. Но отрывать их ужасно трудно. Висишь вниз головой. Отколупываешь по одной, ломаешь о них ногти.

Мы надрали целое ведро ракушек.

Мы сломали семь ногтей и порезали четыре ладони.

Мы устали.

Только надежда на вкусный обед поддерживала нас.

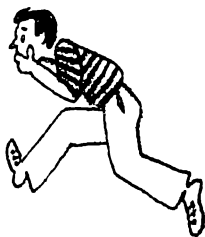
УХ, КАК БУДЕТ ВКУСНО!

ОБЕД

На шхуне капитан варил рис.

В кухню не допускался

никто. Масло летело в кастрюлю ложками.

Когда рис был готов, мы уже истекли слюной.

Но капитан не спешил.

Он ножом извлёк каждого моллюска из раковины и обжарил его на сковороде.

Запахло водорослями.

Мы насторожились.

Жаренные на чистом сливочном масле мидии были брошены в кастрюлю и перемешаны с рисом.

Каждому навалили по тарелке плова.

Мы набросились на него, как голодные волки.

Каждый сунул в рот по полной ложке и...

Я первый понял: ЭТО ЧТО-ТО НЕ ТО!

Но первым положил ложку Дима: ему надо посмотреть, как уложены акваланги.

Он ушёл.

Вторым сбежал Марлен: ему нужно было подтянуть ЯКОРНУЮ ЦЕПЬ.

Кая взглянула на меня большими испуганными глазами. Можно, она сходит за солью?..

Соль стояла на столе.

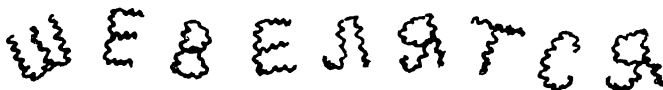
Мы с Веней стеснялись. Нам ужас как не хотелось обидеть капитана.

Может быть, придёт моторист? Он опять чинит мотор...

Я жевал холодного моллюска полчаса.

Из тарелки пахло йодом и сырой капустой.

Я не мог спокойно смотреть на кастрюлю. Мне казалось, что моллюски в кастрюле

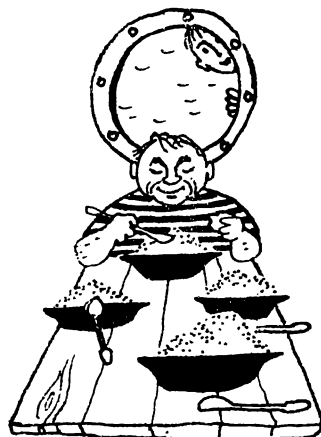

Наконец сбежали и мы.

На палубе нас встретили хохотом.

Марлен заглянул через люк в каюту. Капитан доедал третью тарелку.

Моторист так и не пришёл.

МОЁ ОТКРЫТИЕ

Чем дольше мы работали в бухте, тем веселее становился Веня.

Каждый комок слизи, отцеженный из ведра, приближал его к победе. Новый вид рачка мог быть открыт с минуты на минуту.

Его микроскоп горел на солнце как золотое оружие героя.

Картины писать мне было уже нечем. Кисти съели тараканы...

Мне тоже захотелось славы учёного.

Выждав момент, когда Веня спустился в каюту, я набрал ведро воды и добыл из него немного слизи.

Острым кухонным ножом я соскоблил слизь с марли на тарелку, комочек слизи размазал по стеклу.

Вот стекло под микроскопом. На светлом поле копошились прозрачные многорукие твари.

— Что это?!

Мои глаза полезли на лоб.

Прямо посередине светлого поля судорожно двигался по стеклу пятиногий рачок.

— Oro!

Я поперхнулся от радости.

А вон ещё... ещё... Шестиногие, четырёхногие, семиногие рачки так и кишели под микроскопом. Один из них был даже одноногий.

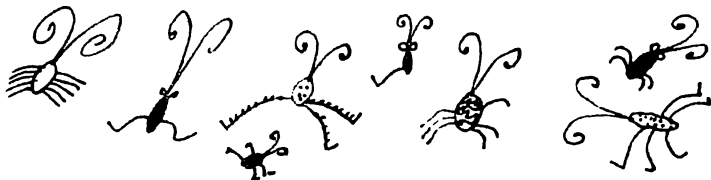
КАКОЕ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ ОТКРЫТИЕ!

— А, и ты смотришь? — Веня стоял рядом и сочувственно моргал близорукими глазами. — Есть что-нибудь?

— ... Кое-что есть...

Я небрежно уступил ему место у микроскопа.

ВОТ СЕЙЧАС ОН АХНЕТ!

— Господи! — из Вениной груди вырвался стон. — Что ты сделал? Ты их всех разрезал! Разве можно скоблить их острым ножом?

Я сделал вид, что очень интересуюсь облаками.

Облака медленно плыли над морем.

Два облака плыли отдельно.

Одно было похоже на одноногую лошадь. Второе — на трёхгорбного верблюда.

Я сплюнул и полез в каюту.

КАПИТАН

Как-то мы с капитаном чистили якорь-цепь.

— Вы правда много плавали? — спросил я его.

— Много, — ответил он.

— Вам, поди, это всё надоело?

Капитан промолчал.

Мы сидели на носу. Рядом с нами Веня опускал за борт термометры.

Говорят, у капитана на берегу дом, сад с вишнями.

Зачем ему торчать с нами в этой бухте?..

Кая сегодня наступила на тюбики и выдавила всю синюю краску.

ШАШКА ДУСТА

За то, что меня взяли в экспедицию, я решил заплатить добром.

На шхуне водились тараканы.

Тараканы были рыжие и усатые, как собаки.

Им ничего не стоило прокусить насквозь ботинок.

Их не брало никакое море. Говорят, на железных кораблях не живут ни собаки, ни кошки. Тараканы же чувствуют себя как дома.

Вся команда ненавидела их.

А мне тараканы не были страшны. В чемодане у меня лежала шашка дуста.

НОВЕЙШЕЕ СРЕДСТВО ОТ МУХ, КОМАРОВ И ПРОЧИХ НАСЕКОМЫХ!

Когда все вышли из каюты на палубу, я достал шашку из чемодана, поставил её на пол и, чиркнув спичкой, поджёг.

Из шашки показалась струйка зелёного дыма.

«Ага!» — радостно подумал я.

В шашке что-то затрещало.

«Разгорается!»

Я задвинул шашку в угол, откуда особенно часто вылезали тараканы.

Зашипев, она выбросила густую струю дыма.

В каюте сразу запахло аптекой. Защи-
ло глаза.

Дневной свет померк.

Упав на колени, я пополз к выходу.

На палубе уже заметили дым.

— Что с тобой? В чём дело? Пожар?!

Из дверей каюты клубами валил дым.

Минута — и палуба скрылась в густом
химическом тумане.

Раздался кашель.

Шхуна окуталась густым зелёным обла-
ком.

Ап-чхи!

За борт с шумом свалилось чьё-то тело.

СПАСАЙСЯ, КТО МОЖЕТ!

Я бросился в воду последним.

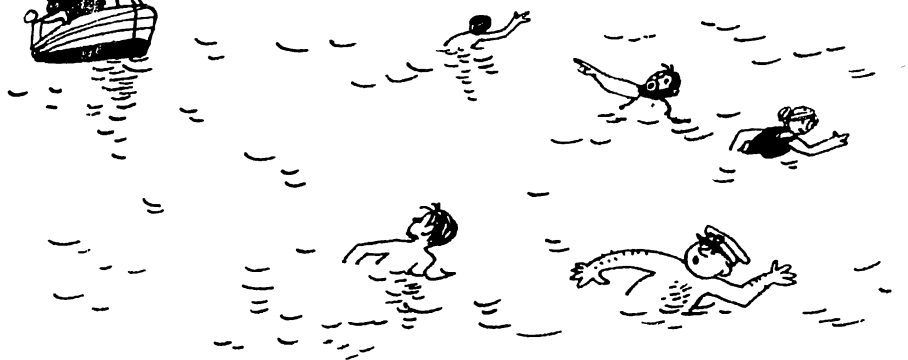
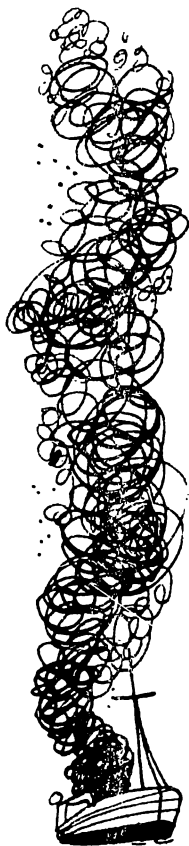
Отплыв метров двадцать, я оглянулся.

Шхуна стояла, окутанная ядовитым зелё-
ным облаком. Из облака торчала одна её
мачта.

В воде чернели головы команды. Раз,
два, три, четыре, пять, шесть... А где мото-
рист?

Через час, когда дым улетучился, мы вер-
нулись на шхуну.

Я немедленно полез в каюту.

Вот где, наверно, побоище! Страшное дело — горы тараканьих трупов!

Первое, что я увидел, были два зелёных от дуста таракана. Они сидели на столе и грызли хлебную корку.

Из машины раздался стук. Моторист тоже был жив.

КАК МНЕ ПОПАЛО ОТ МАРЛЕНА

Ох, и попало же мне от Марлена!

Я ВИЖУ ЧТО-ТО НЕПОНЯТНОЕ

Вечером я опять спустился с аквалангом — посмотреть закат под водой.

Заката я не увидел.

Подводный мир был объят какой-то непонятной тишиной. Света становилось всё меньше и меньше. Рыбы исчезли.

И вдруг я заметил прямо под собой здоровенное чёрное пятно. Со стол величиной. Наверное, камень...

Затем посередине пятна появились две дыры. Появились и исчезли. Как чёрные пузыри. Появились — лопнули. И опять появились.

Я отплыл на всякий случай в сторону.

Когда я оглянулся, — на том месте, где только что чернело пятно, стоял жёлтый столб мути.

Муть осела. Затаив дыхание, я вернулся на старое место. Чёрное пятно исчезло.

ЧТО ЭТО БЫЛО ТАКОЕ?

ДИМА ПРЕДПОЛАГАЕТ...

Когда я рассказал про чёрное пятно там, наверху, — никто не засмеялся.

Капитан пожал плечами.

— В море всё может быть, — сказал он. — Одних рыб сколько.

Марлен кивнул.

— Я не хотел говорить, — сказал Дима, — но дня три назад у берега я тоже видел что-то вроде громадной камбалы. Такая рыбина — сам себе не поверил!

Веня задумчиво осмотрел всех нас.

— Знаете, — сказал он, — в библиотеке Академии наук я читал древние книги о морских змеях. И есть люди, до сих пор убеждённые в том, что морские змеи действительно существуют...

Кая зло посмотрела на него.

— Спасибо, — сказала она. — Первым они сожрут тебя...

НА СОРОК МЕТРОВ

— Что, если камни с отпечатками скатились на середину бухты? На самую глубину?

Мы уже знали. Посреди бухты — впадина. Сорок метров.

— Надо искать и там.

Это сказал Марлен.

И время пришло.

Марлен опускался на сорок метров.

Он стоял на палубе в голубой майке, голубых ластах, с аквалангом за плечами.

Поднятая на лоб маска блестела, как лягушачий глаз.

Всплеск — и Марлен ушёл в воду.

За ним, в жёлтой майке и жёлтых ластах, свалился Дима. Я с трубкой и маской сошёл в воду последним.

Кая уселась на борт. У ног её, как всегда, стояла сумка с красным крестом.

Мы плыли в три этажа.

На поверхности плыл я. Из трубки, торчавшей над моим затылком, фонтанчиками вылетала вода.

На глубине десяти метров держался Дима. Он двигался, как жёлтый краб, едва перебирая руками и ногами.

Ниже всех, у самого дна, шёл Марлен. Его не было видно. Только иногда в глубине вспыхивали голубые зайчики — солнечные лучи, отражённые от ласт.

За Марленом и Димой, шипя, поднимались белые гирлянды пузырей.

Через двадцать минут мы подплыли к борту.

— Камней нет, — сказал Марлен. Он дышал тяжело, как кит.

ГРОТ „МАШИНА“

Мы целый час сидели на борту, свесив ноги, и отдыхали. Потом Марлен спросил:

— Видишь пар?

Напротив шхуны из узкой расселины в скале вырывалось белое облачко.

— А может, это не пар?..

— Посмотрим?

Я кивнул. Недалеко, можно и сплавать.

Плыли мы недолго. Вот и расселина. Под скалой тень. Холодина — брр!

Волна, идущая с моря, складывалась здесь с отражённой от стены волной. Мы заплясали на воде, как пробки.

До расселины было рукой подать. Она оказалась низкой пещерой, гротом, в который свободно входила вода. Улучив минуту, Марлен проскочил в грот. Я последовал за ним.

Осторожно раздвигая руками ледяную воду, мы держались на месте. В глубине грота чернело отверстие.

Крадучись, в грот вошла пологая волна. Она подняла нас, затопила отверстие, и тогда из-под воды с шумом вырвалась струя сжатого воздуха.

«Пшш-ш!»

«Ш-ш-шшу!»

Так вот оно что! Мы дождались следующей волны, и в лица нам снова ударила холодная струя. Отверстие в глубине грота вело в небольшую камеру. Вода входила в неё, сжимала воздух, и тот с силой вырывался наружу.

«Пшш-ш!»

Точно, как пар из машины!

Марлен показал мне жестом: НАЗАД!

Я поплыл за ним.

Со шхуны за нами следили.

— Ну, как? — спросил капитан. — Сплавали?

— Сплавали.

— Видели?

— Видели.

— Ну и что?

— Как что? .. Ничего.

— Паровая машина — вот что, — капитан сурово оглядел нас. — Десять лет работает. И никто, хлопцы, не знает — как.

Марлен посмотрел ему в глаза. Капитан не сморгнул.

Я понял: капитан хочет, чтобы там была машина. Чтоб у моря была ещё одна тайна. Пусть будет так.

„ЧП“

Пока мы плавали, на шхуне случилось чрезвычайное происшествие — «ЧП».

Веня и Кая поссорились.

Ко всем женщинам Веня относился свысока. И к Каяе тоже.

Когда мы с Марленом были в гроте, он затеял мытьё пробирок.

Мой себе на здоровье!

Но ему помешала санитарная сумка Каяи. Она стояла рядом с пробирками.

Веня отодвинул сумку в сторону. Сумка упала.

Кая поставила её на старое место. Звякнуло стекло.

Веня крикнул.

Кая подняла бровь.

Веня отодвинул сумку ногой.

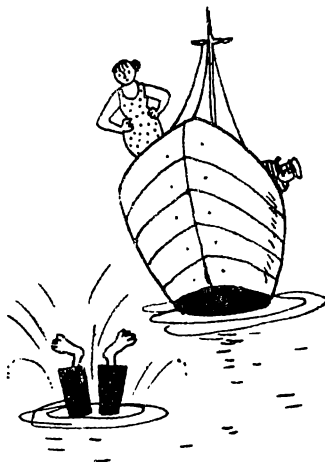
Тогда Кая молча поднялась, сгребла Веню в охапку и, не раскачивая, бросила за борт. Как ядро...

— Почему ты такой мокрый? — с удивлением спросил Марлен Веню, когда мы вернулись из грота.

— Он купался, — мягко сказал Дима.

— В штанах?

Марлен пожал плечами.

Я ПРИДУМАЛ

Мы плавали в бухте уже десять дней.

На ногах у нас были лиловые синяки от ласт. Плечи гудели. Мы не справлялись. Бухта была очень велика.

Вечером Марлен нацарапал карандашом в блокноте какие-то цифры.

— М-да! — заявил он. — Если так искать, надо ещё двадцать дней. Почти месяц!

В кубрике воцарилась тишина.

Все сосредоточенно думали.

— Двадцать, а у нас еды всего на пять. И потом, ведь шхуна нужна другим. Нам её больше не дадут.

Тут у меня зачесалась нога и запершило в горле.
«К-гхе!»

Мне в голову пришла сумасшедшая мысль.

А ЧТО, ЕСЛИ...

...что, если прицепиться на буксир и плыть за шхуной.

А? Ведь здорово? Ведь быстро? Можно успеть и в пять дней...

Я выпалил это вслух.

Веня фыркнул.

Дима покачал головой.

— Оборвёт! — сказал капитан.

Только Каю моё предложение привело в восторг.

— Вот хорошо! — сказала она. — Я хочу на буксир. Действительно: захотели полморя оплавать за десять дней! Знаете, кто вы такие? СУМАСШЕДШИЕ!

Марлен сказал:

— М-м-м.

НА БУКСИРЕ

«М-м-м» — это значило: не хватало ещё, чтобы нас учил художник.

И всё-таки Марлен рискнул.

Приготовили буксир — канат с палкой на конце.

Буксироваться решил сам Марлен; напарником он предложил быть мне.

ВОТ ЭТО ЗДОРОВО!

Буксир бросили за борт.

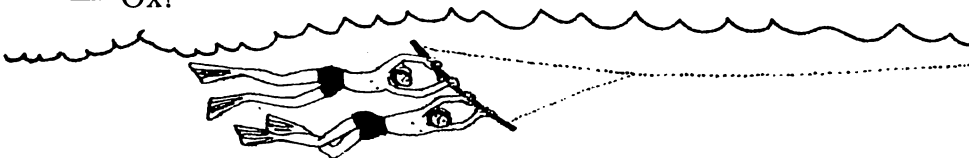
Мы с Марленом прыгнули в воду и уцепились за палку.

«Тригла» дала ход.

Нас потащило.

Вода, такая тёплая и ЖИДКАЯ, превратилась в жёсткий, холодный поток. Он налетел на нас, выбросил из глубины на поверхность, распластал по воде, с силой прижал к лицу маску.

— Ох!

Я вцепился что было сил в палку, втянул голову в плечи, осторожно глянул вниз.

Подо мной со страшной быстротой проносились пронизанные солнечными лучами голубые глыбы воды. Дна не было видно. Какие-то белые, парящие в воде частички стремительно приближались, яркими искрами вспыхивали у лица и так же стремительно уносились прочь.

Руки быстро немели.

На шхуне сообразили, что идут далеко от берега. Они изменили курс. Из голубой бездны выступили очертания дна. Промелькнули полянки, усыпанные белыми раковинами. Проплыли чёрные знакомые валуны. Розовым ковром потянулось дно, заросшее водорослями.

— Мои руки!..

Палка, за которую я держался, повернулась, прижалась к канату, придавив пальцы. Я выпустил её и, беспомощный, с маской, сбитой на ухо, забарахтался в остановившейся воде.

Вынырнув и сорвав с головы маску, я увидел, недалеко от себя голову Марлена. Поодаль шхуна описывала широкий полукруг, направляясь к нам.

Нас подняли на борт.

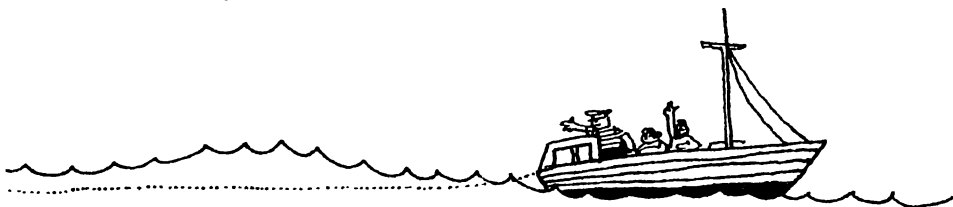
Оказалось, что первым оборвался Марлен. Широкоплечий, он грёб воду как плуг и устал раньше меня.

Как хорошо иметь узкие плечи!

КТО ТОЛКНУЛ МЕНЯ ЗА БОРТ

Когда я стоял на палубе и сдирал с головы маску, ко мне подошёл Дима.

— Молодец, — сказал он, — здóрово придумал... А знаешь, кто толкнул тебя в первый день?

— Кто?

— Мы все. Предложил я. Кая и Веня толкнули. Нам хотелось посмотреть, какой ты.

КАКОЙ Я!

— Пустяки! — ответил я Диме. — А что, если вместо палки на конце буксира сделать петлю?..

ОТЧАЯНИЕ

На буксире за шхуной мы в два дня оплавали всю бухту. Камней с отпечатками не было.

«Тригла», как паук, сновала взад-вперёд. Тёмный след её винта паутиной ложился на поверхность моря.

Всё напрасно. Подозрительными камнями на дне были только те чёрные глыбы, около которых я едва не утонул, добывая иглу.

Мы по очереди облазали их. Осмотрели все поверхности. Поковыряли ножом. Камни как камни.

Единственным человеком, который ещё не видел камней, была Кая.

ПОЛОСКИ КВАРЦА

Мы сидели понутив головы.

Марлен сказал:

— К чёрту! Камней не найти. Они рассыпались в прах.

Дима крикнул.

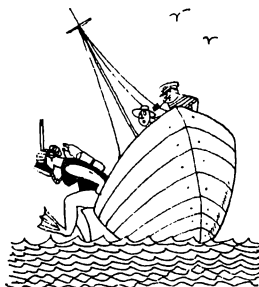
Капитан почесал живот.

— Значит, конец, — рассудил он. — Завтра домой!

КАК ЖЕ ТАК?

Я хотел было сказать: «Может, ещё поищем? — но меня опередила Кая.

Она с громом отодвинула ящик, на котором сидела, и подошла к аквалангам.

С лязгом нацепила на себя баллоны. Нахлобучила на лоб маску. Села на борт.

Шхуна качнулась.

Выпуская тучи пузырей, Кая ушла на дно.

Марлен угрюмо смотрел ей вслед.

Прошло полчаса.

Море было как зеркало. Солнце бронзовым жуком ползло вверх по горному склону.

Белая дорожка пузырей протянулась от берега к шхуне.

Вода раскололась. Из воды, фыркающая как тюлень, вылезла Кая.

Она грузно перевалилась через борт и, капая водой на Венины сандалеты, стала перед Марленом.

— Ну как? — спросил Марлен. — Нашла?

— Нет.

Кая выжала волосы, и жёлтые струйки побежали по её плечам.

— Но я, кажется, знаю, где они, — просто сказала она.

И тут я не выдержал.

— И я!

— Я тоже думал... — нехотя сказал Марлен. — Да разве...

Он не договорил.

— А ты? — обратился он к Диме.

Дима пожал плечами.

Марлен вытащил блокнот и вырвал из него пять листков.

— Вот, — сказал он. — Пусть каждый напишет, что он думает.

Огрызком карандаша мы написали, каждый на своём листке, ЧТО МЫ ДУМАЕМ.

Марлен собрал бумажки.

— Константин Федотович! — позвал он капитана. — Слушайте.

И он прочёл бумажки вслух.

*Капли могут лежать этакими
вниз.*

Кая

А если от визг мизан?

Без подписи. Так написать мог только художник. . .

*Что если перевернуть
камень? Дима.*

*Мы ищем же так.
Всё.*

Ценное замечание! . . И вот моя.

Он показал последнюю бумажку, на которой был нарисован такой значок:

— Я знаю, — сказал Дима. — Это корректорский знак. Когда корректор проверяет книгу, готовую к печати, он ставит условные значки. Этот значок говорит: перевернуть букву или рисунок.

Марлен кивнул.

— Вся штука в том, — усмехнулся он, — что камни руками не перевернёшь. Поэтому я и молчал. Надо было искать до последнего дня.

Капитан молча наблюдал за нами.

Бумажки его уже не интересовали.

— Переворачивать будем шпилем, — лениво сказал он. — Якорь отклепаем, цепь — за камень, — и пошла! А потом. . .

Он не договорил. Кая, бронзовая и сияющая, подошла к нему, обняла мокрыми руками и звонко чмокнула в щёку.

ВИРА ПОМАЛУ!

Капитан метался по шхуне.

Во-первых, его поцеловали.

Во-вторых, он действительно придумал здорово!

Впервые я видел, чтобы он суетился.

Он сам вытащил на палубу якорь и отклепал его.

Он сам вплёл в свободный конец якорной цепи две петли.

Он кричал на Марлена и Диму. Он объяснял им, как надо ЗАВОДИТЬ за камень эти петли.

Марлен и Дима послушно кивали. Затем они ушли на дно. Выбирать камень.

— Камень нашли — будьте спокойны! — вынырнув, сказал Дима.

Капитан привязал к якорю пеньковый канат и поставил шхуну на якорь около этого камня; около пузырей, которые пускал над камнем Марлен.

В воду спустили якорную цепь.

— Петли заведены! — вынырнув снова, сообщил Дима.

— Пошёл шпиль! — скомандовал капитан.

Затарахтел мотор, и круглая тумба шпиля начала вращаться. Цепь, ползгивая, выходила из воды и обвивалась вокруг тумбы ровными кольцами.

Вот она натянулась.

— Вира-помалу! — сказал капитан.

Это значило «тяни наверх».

И мотор потянул.

Шхуна накренилась. Шпиль, повизгивая, сделал три оборота и остановился.

«Ну и камень!» — подумал было я.

И тут что-то случилось. Шхуна качнулась и выпрямилась. Цепь глухо стукнула о борт. Шпиль легко завращался.

— Оборвало! — с досадой промолвил капитан.

Со дна поднялись облака рыжей мути и пузырей.

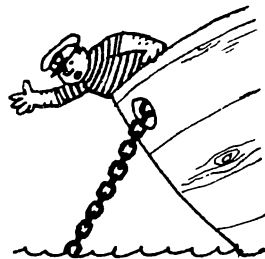
Вместе с пузырями всплыли головы Марлена и Димы.

Руками они что-то поддерживали в воде.

— Идёт! Идёт! — закричала Кая.

Из воды медленно вылез обломок скалы. Одна грань его была чистая и блестящая.

— Раскололся! — довольно пробормотал капитан. — Камень сломали! А?

Камень со скрежетом перетащили через борт и бережно завалили на палубу.

Марлен, Дима, мы все сгрудились возле него.

Кая присела на корточки и начала бережно мыть камень.

Веня покорно таскал для неё воду.

— Вот... — неожиданно сказал Дима. — Смотрите!

И он показал пальцем на еле заметные неровности в камне.

Только когда Кая отмыла весь камень, мы увидели.

На камне действительно были отпечатки чьих-то больших ЗУБОВ.

МОТОРИСТ

И вот тогда на палубе появился моторист.

До этого я часто думал: какой он?

Наверное, весь чёрный, заросший волосами, с большим носом и могучей грудью.

Как дух из подземной кузницы.

И вот, наконец, он.

Он вылез из машинного люка. Медленно и торжественно.

Человек как человек... Худенький, с птичьим носиком, тонкими руками и... лысый.

Ни единой волосинки на голове.

— А-а! — сказал он, наклонившись над камнем.

И всё.

Это всё, что он сказал за время нашего путешествия. Сказав это, он подмигнул Кая и снова полез в свою машину.

Итак, мы достали камень. Пусть не целый, а только кусок. Кусок с отпечатком чьих-то зубов.

Неведомый зверь миллионы лет назад в предсмертной судороге сомкнул свои челюсти. Камень сохранил их след.

И вот теперь этот след у нас.

Скоро сюда придёт баржа с краном и поднимет все камни.

Камни будут стоять за стёклами в залах музеев, и тысячи людей, удивляясь, будут подходить к ним.

МЫ нашли эти камни. Я нашёл их.

Сегодня вечером мы уйдём из Голубой бухты.

ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ

Остаток дня мы решили охотиться.

Охота на рыб с аквалангом — не охота, а избиение. Всё равно, что охота на зверей из автомашины или с вертолёта.

Настоящие охотники на земле вымерли. Они остались только в воде. Это мы — пловцы без аквалангов, но в масках и с копьями.

У нас было два копья и Марленово ружьё.

Бросили жребий.

Одно копьё досталось Диме, второе — Вене.

— Не плачь, — сказал мне Марлен. — Поплывёшь со мной.

Он плюхнулся в воду и поплыл, держа перед лицом свою машину, заряженную гарпуном.

Я плыл сзади. У меня в руках была сетка для добычи.

ОХ, И НАБЬЁМ ЖЕ МЫ РЫБЫ!

Но скоро я понял: ЭТО ружьё не для ЭТОЙ бухты.

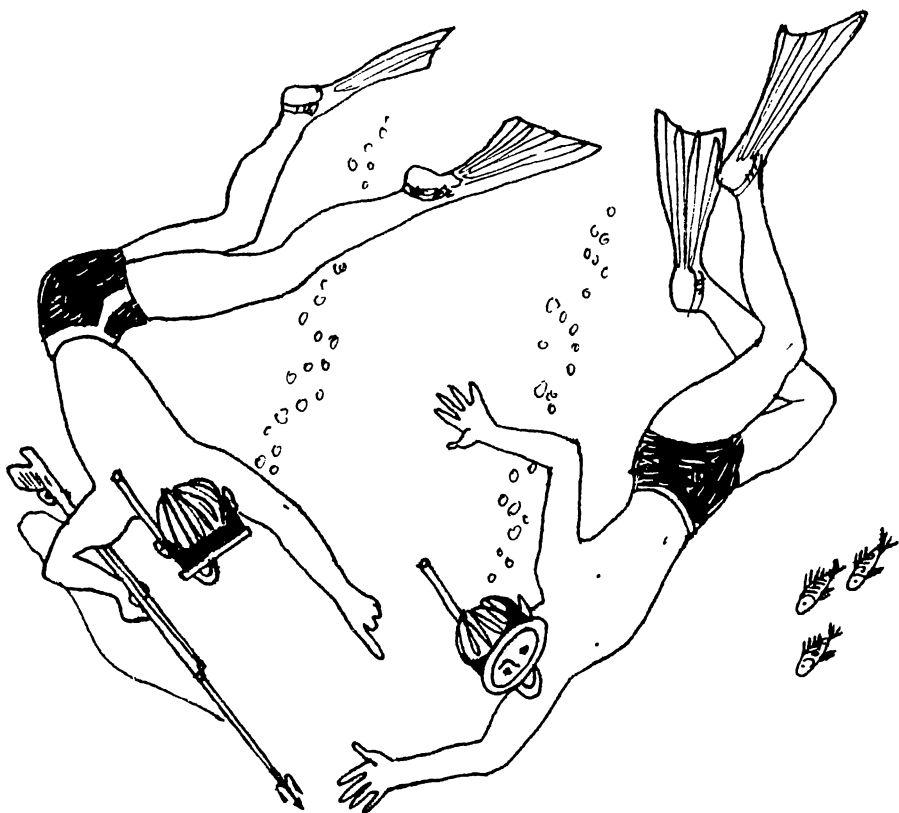
Для марленовского гарпуна вся здешняя рыба — мелочь.

Мы плавали битый час.

Мне надоело.

Но Марлен не сдавался.

И нам повезло.

СКАТ

Я отстал от Марлена, а когда догнал, то увидел — Марлен нырнул.

В светло-голубой воде он казался розовым великаном. Он висел вниз головой и старательно в кого-то целился.

Я подплыл ближе.

Прямо под Марленом раскинулась на песке громадная рыба. Чёрный ромб с тонким, как плетё, хвостом. Скат!

Он мне показался величиной со стол.

Ба, да ведь это то самое чёрное пятно, которое когда-то испугало меня!

Скат лежал на песке, широко раскинув плавники-крылья и едва шевеля хвостом.

Два отверстия на голове — брызгальца — закрывались и открывались. Скат дышал.

Время от времени он рылся мордой в песке. Вот кто мог откопать наш якорь!

Я заглянул Марлену в лицо.

Он смотрел на ската как зачарованный. Ружьё в его руках ходило вверх — вниз, вверх — вниз.

Сейчас он будет стрелять!

У ската на хвосте есть зазубренный костяной шип. Раненый скат может нанести этим шипом жестокий удар. Значит, Марлен будет бить наверняка.

Мне не хватило воздуха, и я на секунду всплыл.

Когда я вернулся под воду, скат медленно уплывал. За ним — Марлен.

Скат делал редкие взмахи крыльями и шёл как тень. Над самым дном. Рыжие лохматые водоросли послушно склонялись перед ним.

Марлен с ружьём, нацеленным на ската, плыл сзади.

Вот скат остановился.

Теперь или никогда!

Марлен направил стальное острие гарпуна на голову ската и вдруг, что-то решив, махнул рукой.

Движение испугало рыбу.

Скат резко сорвался с места.

Его громадные плавники поднялись, и он в один взмах очутился далеко от нас.

Он уходил, как огромная чёрная птица. Он то парил над морским дном, то взмахивал крыльями и удалялся всё дальше и дальше.

Мы вынырнули.

Марлен тяжело дышал.

— Что ж ты, а? .. — начал было я, но взглянул в глаза Марлена и осекся.

Я впервые видел у него такие глаза.

В них всё ещё теплилось восхищение и была... зависть. Замечательный пловец, он завидовал рыбе.

— Хочешь? — спросил он и протянул мне ружьё.

Я взял наперевес эту стальную махину с туго взведёнными пружинами и хищно заточенным гарпуном.

Около шхуны я прицелился и выстрелил в круглый коричневый камень на дне.

С коротким стуком гарпун рассёк его пополам.

ДОМОЙ

Качаясь на волнах, точно утка, «Тригла» возвращалась домой.

Был вечер.

По небу плыли красные перья облаков.

Тёплый воздух дрожал над чёрными зубцами гор.

Мы сидели на палубе и слушали, как поёт Кая. Она пела без слов.
— А-а-аа-аа-а!..

Страшно здóрово! Вечер. Закат. Песня. И мы.

Это мы набили каюту до потолка банками с водой, водорослями, рачками, рыбами.

Мы исписали четыре толстых журнала.

НИЧЕГО, ЧТО У МЕНЯ НЕ ПОЛУЧИЛОСЬ НИ ОДНОЙ КАРТИНЫ.

Мы за двенадцать дней ни разу всерьёз не поссорились и не пожелали друг другу зла.

И вот тут-то мне по-настоящему захотелось её написать.

Я сейчас же придумал:

Ледяная гора. Страшно показная. А на эту страшно покатую гору карабкаются семь человек. Шестеро мужчин и женщина. В одной связке. Все привязаны к одной верёвке.

Карабкаются дружно. След в след. И никто не боится. Потому что они вместе. Потому что у них одна общая цель. А главное — потому, что они хорошие.

Только как написать, чтобы это было видно, — я не придумал.

Рассказать о картине Марлену я побоялся.

— Ну вот, — скажет он, — плавал-плавал на шхуне, по морю, а придумал чёрт-те что: гору. Зря, — скажет, — мы тебя брали!

«Тригла», покачиваясь, шла вперёд.

Небо потемнело, и у горизонта зажглась зелёная закатная полоса.

Мы уходили всё дальше

и дальше

от Голубой бухты,

на дне

которой

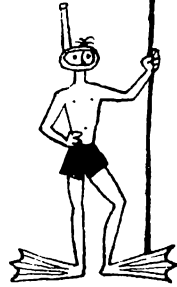
лежали

наши

камни.

Послесловие

Итак, путешествие на «Тригле» закончилось.

Мы познакомились с молодыми учёными и водолазами Марленом, Димой, Веней, с корабельным врачом Каей, с капитаном шхуны и мотористом; познакомились с художником Николаем, от лица которого вёлся рассказ.

Вместе с ними мы опускались на морское дно, вели наблюдения, преследовали огромного ската-хвостокола, поднимали со дна моря заветный обломок скалы.

Мы успели полюбить этих мужественных, весёлых людей.

Так неужели и «Тригла» и её дружная команда — только плод авторского воображения?

Повесть о плавании «Триглы» написал ленинградский писатель, моряк и учёный, Святослав Владимирович Сахарнов. Прежде чем стать писателем, он сам много лет плавал на Тихом океане, на Чёрном, Каспийском, Балтийском морях, был матросом, командиром торпедного катера, военным штурманом.

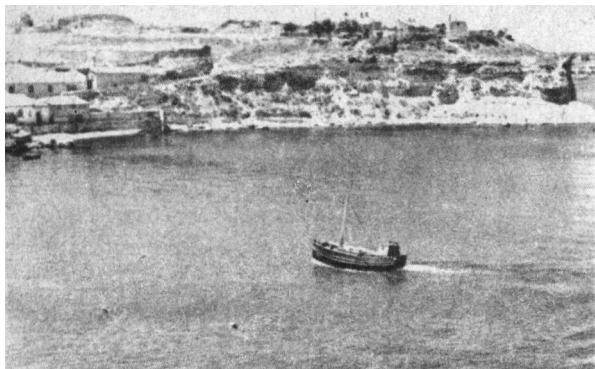
Однажды на Чёрном море ему довелось участвовать в экспедиции учёных-биологов. Учёные изучали жизнь моря. Они плавали на моторном боте. В составе этой экспедиции были лёгкие водолазы. Увиденное послужило писателю материалом для повести «Путешествие на «Тригле».

На примере того, как была написана эта книга, можно видеть, как жизненные впечатления изменяются в воображении писателя и становятся материалом художественного произведения, как одни из этих впечатлений писатель оставляет для книги, а другие — отбрасывает.

Экспедиция, в которой участвовал Святослав Владимирович, не занималась поисками древних отпечатков. В её составе не было художника, не было женщины, которая могла бы, как Кая, швырнуть за борт взрослого мужчину. Но в повести столько точных деталей, верных наблюдений, она написана с таким знанием дела, что подлинности всего изображённого в ней веришь. Веришь, что живы люди, описанные в повести, что существует Голубая бухта, на дне которой ещё недавно лежали чёрные обломки скалы с отпечатками доисторических животных.

Это тот случай, когда книга, даже написанная в шутовском тоне, становится окном в настоящую жизнь.

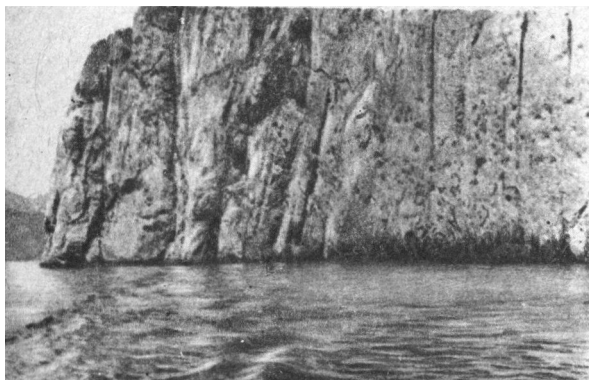
Настоящая жизнь... Вот фотографии, снятые во время плавания экспедиции на моторном боте. Достаточно взглянуть на них, чтобы узнать людей, места и даже обстоятельства, описанные в повести.

Вот судёнышко с участниками экспедиции возвращается в порт.

Это капитан мотобота и моторист. Как видите, капитан похож, а моторист сильно отличается от своего двойника в повести.

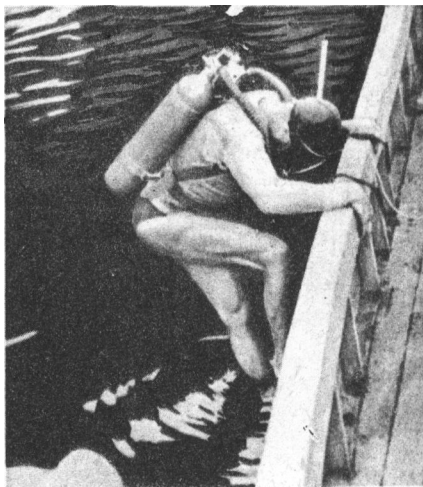

Вот скала с отпечатками пушечных ядер. В этом случае писатель совершенно точен.

Зато на этой фотографии — случай, противоположный описанному в повести. Это Марлен с убитым скатом. Если помните, в повести скату повезло значительно больше.

И это Марлен, только с аквалангом, в момент спуска за борт.

И вот, наконец, сам автор книги. Он вылез из воды и карабкается вверх по отвесной скале, не сняв ещё ни ласт, ни маски.

Как видите, многое, описанное в повести и имевшее место в жизни, — совпадает.

Но повесть окончена. Мы расстаёмся с «Триглой».

Как же ответить на самый важный вопрос: что в книге главное? О чём она?

Думается, что не только описанием работы учёных на шхуне и под водой интересна для нас эта повесть. Не только шутками, рассыпанными почти на каждой странице. Не только занятым переплетением рисунков и текста, что могли сделать только два очень похожие по манере писать и рисовать человека.

Мне кажется, что ответ можно найти в заключительном эпизоде повести, на самых последних её страницах. Возвращаясь домой, Николай решает написать картину о людях, которые идут на штурм горной вершины. Идут дружно, уверенно, вместе. Это должна быть картина о хороших людях.

Я уверена, что именно такую книгу — о хороших людях, наших современниках — и написал бывалый человек, писатель Святослав Сахарнов.

И это в ней главное.

Э. Меркулова

ОГЛАВЛЕНИЕ

Началось так	6
«Тригла»	—
Марлен	8
Зачем?	—
В море	10
Мои товарищи	—
Какого цвета море?	11
Шторм	13
Облако под водой	—
Веня	16
Кая	—
Дима	17
Голубая бухта	18
Пушечные ядра	—
Ночь	21
Началось	—
Двадцать ног	22
... Хель	23
Дельфины	24
Серый Боб	27
Железное расписание	30
Меня учат плавать	—
Письмо	31
Утро	32
Первый космоплав	33
Белые мешочки	34
Подводные птицы	35
Игла	36
О ногах	37
Ружьё	—

Бриль	38
Мы ищем, ищем, ищем...	—
Неправильный ящер	39
Где же камни?	41
Шпиль	—
Якорь	42
Как Веня сочинил стихи	—
20.00	43
Тригла	44
Айвазовский	45
Как рыбы съели мою картину	47
Плов из ракушек	49
Обед	—
Моё открытие	51
Капитан	52
Шашка дуста	53
Как мне попало от Марлена	55
Я вижу что-то непонятное	—
Дима предполагает	—
На сорок метров	56
Грот «Машина»	57
«ЧП»	58
Я придумал	59
На буксире	60
Кто толкнул меня за борт	61
Отчаяние	62
Полоски кварца	—
Вира помалу!	64
Моторист	66
Ура!	67
Последние часы	—
Скат	69
Домой	70
<i>Послесловие</i>	73

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Присылайте ваши отзывы о прочитанных книгах и пожелания об их содержании и оформлении.

*Укажите точный адрес и возраст.
Пишите по адресу: Ленинград, наб.
Кутузова, 6. Дом детской книги Детгиза.*

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

САХАРНОВ

СВЯТОСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ

ПУТЕШЕСТВИЕ НА „ТРИГЛЕ“

Ответственный редактор

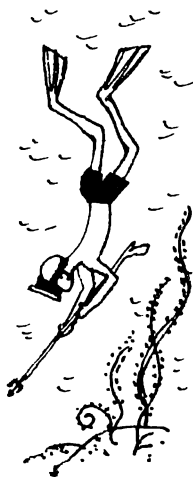
Э. Г. Меркулова.

Художник-редактор Б. М. Калаушин.

Технический редактор П. Л. Трусова.

Корректоры К. Д. Немковская и

Л. К. Малявко.

Подписано к набору 14/II 1963 г. Подписано к печати 1/VII 1963 г. Формат 70 × 90^{1/16}. Печ. л. 5. Усл. п. л. 5,85. Уч.-изд. л. 3,93. Тираж 115 000 экз. ТП-1963 № 247 Ленинградское отделение Детгиза. Ленинград, Д-187, наб. Кутузова, 6. Заказ № 31.

Цена 24 коп.

2-я фабрика детской книги Детгиза Министерства просвещения РСФСР. Ленинград, 2-я Советская, 7.

24 коп.

ДЕТГИЗ

